

МБИ: <http://www.unlv.edu/centers/cdclv/programs/bios.html>

Форум: БИОГРАФИКА, СОЦИОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ

Протокол № 2-2

БИОГРАФИЯ И БИОКРИТИКА

(Из переписки Д. Шалина, А. Алексева, Б. Докторова, Л. Козловой, Р. Ленчовского, Н. Мазлумяновой, О. Маховской, Б. Фирсова, В. Шляпентоха, а также Л. Борусяк, Б. Вульфовича, А. Готлиб, Е. Григорьевой, В. Дмитриевского, М. Илле, Ф. Шереги, В. Ядова, Б. Рубла.

Часть 2 (Сентябрь – октябрь 2011)

От редактора-протоколиста

Как уже объявлялось, вторую дискуссию из форума «Биографика, социология и история», тема которой была обозначена как «**Биография и биокритика**», оказавшуюся не только активной, но и объемной, организаторы Форума решили разбить на несколько частей. Первая часть была недавно вывешена на сайте МБИ:

http://cdclv.unlv.edu/archives/Comments/ibi_forum_2.1.html;

http://cdclv.unlv.edu/archives/Comments/ibi_forum_2.1.pdf.

Вторая часть публикуется ныне.

В дальнейшем принимаются следующие краткие обозначения:

[МБИ-форум 1 Социолог Валерий Голофаст: "Мне нужна интеллектуальная свобода внутри и вовне" IBI Forum 2.2-10-08-11-Web.doc](#) (Дискуссия 1 «О «незримом колледже» и биографических интервью»);

[МБИ-форум 2-1](#) (Дискуссия 2 «Биография и биокритика», часть 1);

МБИ-форум 2-2 (Дискуссия 2 «Биография и биокритика», часть 2).

Ожидается и третья часть дискуссии «Биография и биокритика» - МБИ-форум 2-3.

Шеф-редактором Дискуссии 2 («Биография и биокритика») является **Д. Шалин**.

Материалы групповой переписки по электронной почте на указанную тему упорядочены, как правило, в хронологическом порядке. Все тексты, за исключением перепечаток из Сети, публикуются с согласия авторов.

Андр. Алексеев. 8.10.2011

**

Содержание части 2:

VIII. Обсуждаются методологические и этические проблемы биографических исследований и познания через действие (включения 31 – 32)

IX. Текущая переписка. Отклики (33 – 38)

X. Диалог Д. Шалина и Н. Мазлумяновой (39 – 40)

XI. Всех послушав, пусть каждый делает СВОЕ дело (41 – 48)

XII. Диалог Д. Шалина и А. Алексеева: новый виток (включение 49)

XIII. Б. Фирсов – наблюдатель и участник. О композиции МБИ-форума (55 – 55)

XIV. «Незримый колледж»: новые поступления и расширение круга (56 – 57)

XV. Респондент прав не только тогда, когда он говорит, но и тогда, когда он молчит (включение 58)

XVI. Наша дискуссия – это личностное знание, в смысле М. Полани (59 – 73)

XVII. «Биографика, социология и история» (74-79)

XVIII. Всем – урок на будущее (80-88)

**

VIII. Обсуждаются методологические и этические проблемы биографических исследований и познания через действие

Включение 31. А. Алексеев - Э. Беляеву, Л. Борусяк, Б. Вульфовичу, А. Готлиб, Е. Григорьевой, Б. Докторову, М. Илле, Л. Козловой, Р. Ленчовскому, Н. Мазлумяновой, О. Маховской, В. Семеновой, Б. Фирсову, Д. Шалину, Ф. Шереги, В. Шляпентоху, В. Ядову, О. Шевченко, И. Ременнику, И. Клюканову, М. Эпштейну

23.09.2011

Уважаемые коллеги и друзья!

Не обременяю вас всех (той) небольшой полемикой, которая развернулась по поводу формата нашей дискуссии (дискуссия, как таковая, или же заочная конференция; состав кумулятивного файла; порядок рассылки и вывешивания на сайте МБИ). Она потом будет отражена в сетевом «издании» нашего Форума. (См. [часть 1 Дискуссии 2 "Биография и биокритика"](#), раздел VII)

Сейчас же - высылаю очередное содержательное вложение в нашу нынешнюю дискуссию «**Биография и биокритика**», на этот раз – свое собственное. Это статья, которая появится в питерском журнале «Телескоп» в его № 5, через пару недель. Поскольку журнал, по ряду организационных обстоятельств, размещает электронные

версии статей на своем сайте не раньше, чем через два года, я адресую ее также на сайт ["Международная биографическая инициатива"](#), а также вам всем, поскольку эта работа как раз укладывается в проблематику нашей дискуссии.

Статья ["На стыке методологических и этических проблем \(Читая Дмитрия Шалина. Продолжение диалога\)"](#) возникла как своего рода развернутый комментарий к опубликованной в том же «Телескопе» (2011, № 3), а еще раньше – размещенной на сайте МБИ, статьи Д. Шалина ["В поисках нарративной идентичности..."](#), к которой участники нашей дискуссии ([В. Шляпентох](#), [Э. Беляев](#), да и другие) уже не однажды обращались. Поэтому, я ввожу ее в круг нашего обсуждения, несмотря на ее размер. См. под скрепкой.

Здесь приведу только автоаннотацию и «ключевые слова» указанной работы:

Эта статья посвящена критическому разбору круга идей, представленных в статье Дм. Шалина «В поисках нарративной идентичности...». Некоторые из этих идей поддерживаются, некоторые - вызывают сомнение или даже опровержение. Обсуждаются методологические и этические проблемы биографических исследований и познания через действие.

Ключевые слова: жизненные стратегии, жизненный выбор, (авто)биографический нарратив, реконструкция мотивов, право на умолчание, «драматическая социология», познание действием, этика наблюдающего участия, социолог-испытатель

Думаю, этот текст будет способствовать развитию дискуссии в рамках Форума «**Биографика, социология и история**».

С уважением и приветом ко всем адресатам этого письма.

Андрей Алексеев. СПб.

**

[Включение 32. \(Разослано всем участникам дискуссии 23.09.2011. – А. А.\)](#)

http://cdclv.unlv.edu/archives/articles/aa_ethics_11.pdf

А. Н. Алексеев,
независимый исследователь

На стыке методологических и этических проблем (Читая Дмитрия Шалина. Продолжение диалога)

Эта статья посвящена критическому разбору круга идей, представленных в статье Дм. Шалина «В поисках нарративной идентичности...». Некоторые из этих идей поддерживаются, некоторые - вызывают сомнение или даже опровержение. Обсуждаются методологические и этические проблемы биографических исследований и познания через действие.

Ключевые слова: жизненные стратегии, жизненный выбор, (авто)биографический нарратив, реконструкция мотивов, право на умолчание, «драматическая социология», познание действием, этика наблюдающего участия, социолог-испытатель

Шалина»¹. Д. Шалин – «русский американец», советский кандидат наук и американский профессор, социолог и культуролог, один из ведущих в мире специалистов в таких областях научной мысли как прагматизм и интеракционизм, автор десятка книг, создатель оригинального исследовательского направления, названного им *биокритическая герменевтика*.

«Биокритическая герменевтика находит свой предмет на пересечении биографии, культуры и теории. Она изучает эмоционально-соматическую составляющую дискурсивных практик, воплощение знаков в индивидуальном бытии, (рас)согласование слова, дела и аффекта в жизни исторических субъектов, и роли (авто)биографического нарратива в накоплении и передаче опыта культуры» (Из научных тезисов).²

«В изучении жизненных траекторий биокритика нацеливает на непрерывную триангуляцию трех знаковых систем: соматически-аффективной, деятельностно-перформативной, и символически-дискурсивной. Об этом я писал в статье “Воплощение знака”³. Ее главный тезис развивается в моих работах о Леваде, Гофмане и Гадамере» (Из личного письма).⁴

Дмитрий Шалин, вот уже большую часть жизни (35 лет из 60 с лишним) живущий в США и более охотно изъясняющийся по-английски, чем по-русски, тем не менее идентифицирует себя в качестве ученика И. С. Кона и В. А. Ядова, и с российской культурной средой и научным сообществом его связывает нечто большее, чем деловые контакты и академический интерес. Им реализован ряд проектов, относящихся к интеллектуальной жизни России и ее трансформациям в последние десятилетия. Отнюдь не периферийным профессиональным сюжетом стало для Д. Шалина создание, в рамках возглавляемого им Центра демократической культуры Университета Невады (Лас Вегас), американо-русского интернет-проекта «Международная биографическая инициатива» (МБИ)⁵, содиректором которого (вместе с другим «русским американцем» Борисом Докторовым) он является.

Более масштабного фонда биографических материалов, относящихся к истории современной (вторая половина XX века – начало XXI века) российской социологии в комплексе с аналитикой и изысканиями в области методологии биографического метода в мире нет.

2

Опубликованная в недавнем «Телескопе» упомянутая работа Дмитрия Шалина посвящена анализу жизненных стратегий и, пожалуй, тактик социального поведения российских интеллигентов в условиях позднесоветского общества (1960-1980-е гг.), на материале биографических интервью, взятых самим автором или другими исследователями у коллег-социологов, принадлежащих к различным (в основном – старшим) поколениям постсоветского социологического сообщества. Примечательно, что при всем своем академизме автор не уклоняется и от личностной ауторефлексии.

¹ Электронные версии: полная, на сайте «Международная биографическая инициатива» - http://www.unlv.edu/centers/cdclv/pragmatism/shalin_comments-AA-11.html; сокращенная, воспроизводящая публикацию в «Телескопе» - http://www.unlv.edu/centers/cdclv/pragmatism/shalin_id_11.pdf.

² Шалин Д. Тезисы к Концепции биокритической герменевтики. (Электронная версия - http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/articles/shalin_bh_theses.html).

³ Shalin D. Signing in the flesh: Notes on pragmatist hermeneutics // Sociological Theory. 2007. Vol. 25. P. 193–224. (Электронная версия - <http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/articles/shalin1.html>).

⁴ Цит. по: Алексеев А. Н., Ленчовский Р. И. Профессия – социолог (Из опыта драматической социологии: события в СИ РАН 2008 / 2009 и не только). Документы, наблюдения рефлексии. Том 2. СПб.: Норма, 2010, с. 418.

⁵ См. <http://www.unlv.edu/centers/cdclv/programs/bios.html>.

Причем, главным предметом интереса исследователя оказываются внешние обстоятельства и побудительные мотивы «личного выбора в условиях несвободы»⁶, прежде всего - *морального выбора*, определяющего ту или иную жизненную траекторию и общественное поведение. Можно сказать и так: этика выживания, этика ухода и этика протеста.

Социолог – одна из наиболее «идеологизированных» научных профессий в нашей стране. И, по крайней мере, те советские социологи, кто относился к своей профессии серьезно, неизбежно оказывались между Сциллой конфликта с системой и Харибдой приспособленчества, что могло оказаться равно губительным для профессиональной самореализации. Делать карьеру без хотя бы маленьких сделок с собственной совестью и / или сохранять достоинство по мере статусного роста удавалось далеко не каждому.

Впрочем, не следует думать, что эти нравственные терзания были свойственны всем. Двоемыслие *человека советского* не обошло стороной и представителей той науки, которая могла бы его (двоемыслие) иметь предметом собственного изучения.

Так или иначе, конфликт между личностью и системой, будь то эксплицитный (не исключая brutальных, репрессивных форм), будь то загнанный внутрь личности («сшибка»), был достаточно распространенным явлением в то время. Среди профессиональных социологов практически не было явных диссидентов или оппозиционеров, но были недостаточно «идеологически выдержанные». Явных апологетов системы тоже было не так уж много, однако мало кто не отдал дань «верноподданничеству». Впрочем, с учетом относительной малочисленности этой профессиональной группы, все эти пропорции были, пожалуй, близки к средним по корпусу гуманитарных наук.

Одна из «стандартных» форм отказа личности подчиняться требованиям системы (будь то в сфере профессиональной, идеологической, житейской) является установка и, в конечном счете, реализация установки на *эмиграцию*, разрыв с данной социальной средой. Эмиграция может быть *внутренней* и *внешней*. Как первая, так и вторая не были массовыми в данной (напомню, малочисленной) профессиональной группе. Но все же были немногие социологи, пополнившие ряды кочегаров или сторожей (что, как правило, сопровождалось уходом из профессии, по крайней мере – из институциональной науки). Были и эмигранты в собственном смысле слова, навсегда (как казалось тогда) покинувшие российские пределы; и их, кстати сказать, тоже наперечет.

Дмитрий Шалин, принадлежащий к числу последних, поставил перед собой интересную - социологическую, по сути своей - задачу: обозреть биографические дискурсы социологов старших поколений, представленных на сайте МБИ, в плане отображения в них (дискурсах) идейной эволюции авторов и их самоопределения в своих взаимоотношениях с общественной (советской) системой. При этом вся его «выборка» подразделена на две не равные (естественно!) подгруппы: «социологи-эмигранты» и «социологи-россияне» (т. е. «не эмигранты»).

3

«Социологи-эмигранты» представлены у Д. Шалина следующими именами: Владимир Шляпентох, Эдуард Беляев, Дмитрий Шалин, Борис Раббот, Борис Докторов . (Последний эмигрировал уже из постсоветской России, так что являет собой «особый случай»). «Социологи-россияне» в поле авторского внимания – это: Игорь Кон, Андрей Здравомыслов, Владимир Ядов, Геннадий Осипов, Леонид Ионин, Геннадий Батыгин, Борис Фирсов, Андрей Алексеев, Яков Гилинский, Роман Могилевский, Виктор Шейнис (экономист), Леонид Кесельман (эмигрировал уже в 2000-х гг.). Отдельные работы Д.

⁶ Шалин Д. В поисках нарративной идентичности..., с. 13.

Шалина в русле био критического подхода посвящены Юрию Леваде, Валерию Голофасту, Галине Саганенко.⁷

В отношении первой группы речь идет главным образом о заявленных (в интервью) и / или реконструированных мотивах эмиграции. Для второй группы преимущественным предметом обсуждения выступает мотивация членства / не членства в КПСС, что, понятно, является немаловажным аспектом жизненной позиции. Специально рассматривается проблема своего рода избирательности в предъявлении фактов собственной биографии в нарративе. Для представителей обеих групп предпринимаются попытки реконструкции нарративной идентичности⁸

Я не ставлю перед собой задачи ни аннотировать, ни рецензировать работу Д. Шалина. Но попробую поделиться читательским впечатлением от выполненного автором аналитического обзора.

Прежде всего, мне как-то показалось, что Дмитрий критичен в большей мере к текстам «социологов-россиян». В их биографиях чаще усматривается «рассогласование между словом, делом и аффектом», они чаще дают автору поводы предполагать, что «скошена» выборка биографических фактов в дискурсе. Некоторые, рассказывая о себе, и в самом деле представляют себя более прозорливыми, независимыми и / или преследуемыми, чем было на самом деле (наиболее яркий тому пример – Г. В. Осипов). Но, не оспаривая авторского стремления к объективности, у меня, признаться, возникают сомнения в достаточной обоснованности некоторых «био критических» замечаний автора в отношении ряда конкретных персоналий (не стану их здесь вновь называть).

Иное дело – в данном обзоре - «социологи-эмигранты», выгодно отличающиеся «цельностью» своей натуры, рано осознавшие порочность системы и решившиеся на *поступок*, каковым является решение об отъезде и его осуществление, вопреки всем препонам. Этот выбор во всех случаях предстает прагматически правильным и морально оправданным (чего нельзя уверенно сказать о жизненных стратегиях, направленных на выживание и / или жизненный успех на родине).

В статье «В поисках нарративной идентичности...» автор развивает темы, поднятые еще прошлогодней публикацией в журнале «Телескоп» происходившей в июле 1990 г. собственной беседы Д. Шалина с бывшими сослуживцами - ленинградскими социологами (А. Алексеев, О. Божков, Г. Саганенко, Л. Кесельман).⁹ Беседа была посвящена ретроспективе общественно-политического самоопределения вплоть до переломного момента в жизни социологического сообщества, когда произошел (как раз в июле 1990-го), «групповой исход» из рядов КПСС сотрудников Ленинградского филиала Института социологии АН СССР, сопровождавшийся, по существу, самоликвидацией первичной партийной организации.

Среди других тем, в данной беседе подробно обсуждалась давняя проблемная ситуация, возникшая в середине 1970-х гг. в связи с тем, что трое сотрудников научного коллектива (П. Буторин, Э. Беляев, Д. Шалин), возглавлявшегося В. А. Ядовым, тогда объявили о своем намерении покинуть страну (и в период 1974-1976 гг. всем троим

⁷ См.: Шалин Д. Человек общественный: Гарвардское интервью с Юрием Левадой // Социологический журнал, 2008, № 1 (электронная версия - http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/articles/levada_shalin_intro.pdf); Шалин Д. Галина Саганенко и Валерий Голофаст: Гарвардское интервью // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований, 2008, № 2 (электронная версия - http://www.teleskop-journal.spb.ru/files/dir_1/article_content1208530926195084file.pdf)

⁸ *Нарративная идентичность* – термин не общеизвестный, поэтому поясним, что речь идет о самобосновании и придании смысла в процессе рассказа человека о себе. (См. например: Рождественская Е. В поисках смысла: построение нарративной идентичности в автобиографическом рассказе. Электронная версия - http://www.isras.ru/files/File/Seminar/Seminar_Batygin/Rozhdestvenskaya.pdf).

⁹ «По мере созревания нравственная конфронтация становится политической». Беседа Д. Шалина с петербургскими социологами. Июль 1990 г. // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований, 2010, № 4. (Электронная версия - <http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Interviews/alekseev.html>).

удалось уехать). Летом 1975 г. в только что образовавшемся Институте социально-экономических проблем (куда были переведены все сотрудники Ленинградских секторов Института социологических исследований) ситуация особенно обострилась. Сгустились тучи над лидером ленинградских социологов В. Ядовым, которому грозили суровые партийные и административные санкции (и Ядов-таки был тогда понижен в должности, правда, «по собственному желанию»).

В меру своих возможностей, и уезжавшие, и «остающиеся» (каждый по-своему) старались смягчить негативные последствия указанной коллизии.

Непосредственный и заинтересованный участник тех событий, Дмитрий продолжает и в ныне обсуждаемой статье свою рефлексию на эту тему. Он указывает именно на «стремление к свободе» в качестве «смыслообразующего начала» в его собственном решении эмигрировать: «Узловая парабола – лучше мыть полы в Колумбийском университете, чем профессорствовать в Ленинградском...».¹⁰

«Так я мотивировал свое решение в 1975 году, - пишет Д. Шалин, - но можно ли положиться на такое объяснение? Действительно, оно позволяет понять ход моих мыслей в то время, но его можно посчитать и рационализацией (*мотивов*. – А. А.), желанием выставить себя в лучшем свете. Помимо политических здесь могли быть и другие мотивы – экономические, творческие, семейные. Развести объективные причины и субъективные мотивы такого рода решений сложно».¹¹

Я безусловно солидаризуюсь с такой позицией био критика (в данном случае – это также и ауторефлексия). Стоит заметить, что автор в общем больше ставит вопросы, чем дает ответы. Читатель в моем лице на этот счет без претензий. По крайней мере, проблема «как я выгляжу» обозначена четко. И указанная логика может быть с успехом применена к любому из обсуждаемых Д. Шалиным крутых поворотов жизненных путей его коллег.¹²

Мне хочется здесь обратить внимание на не прекращающуюся эволюцию осмысления каждым участником минувших событий, а в данном случае - аналитиком, подробно рассматривающим свой «жизненный случай», тех или иных аспектов и фактов собственной биографии и истории профессионального сообщества. Так, в своих прежних ретроспекциях¹³ Д. Ш. интерпретировал партийно-комсомольское собрание 1975 г., где его исключали из комсомола (ввиду предстоящего отъезда), исключительно как «гражданскую казнь», среди участников которой были, как он подчеркивал, особо отличившиеся в «суровом осуждении» (обличении) «отщепенца» - в своих корыстных (карьерных и т. п.) интересах. В данной статье Дмитрий предлагает уже другую версию:

«...Я... отретировал со своими друзьями их выступления на собрании в ИКСИ (*правильно: ИСИ*. – А. А.) («валите все на родственников Шалина, направивших лыжи в Израиль»)... Провинившийся сотрудник и участники собрания импровизировали по ходу дела, но придерживались (хотя не все и не во всем) установленного сценария»¹⁴

¹⁰ Шалин Д. В поисках нарративной идентичности..., с. 14.

¹¹ Там же.

¹² Примером особенно четкой концептуализации может служить высказывание В. Шляпентоха: «Четыре причины определяли мое желание покинуть страну: 1) невозможность самореализации, 2) невозможность увидеть мир, 3) отсутствие перспектив для моих детей и 4) вечный страх КГБ. Непосредственным толчком для принятия позорно откладываемого решения был вступительный экзамен моей дочери в МГУ, циничность которого была уже невыносима». (Цит. по: Шалин Д. В поисках нарративной идентичности..., с. 14-15).

¹³ См.: Интервью Д. Шалина, данное Л. Алексеевой на радио «Свобода» (1990). Аудиозапись (<http://www.unlv.edu/centers/cdclv/programs/bios.html>; [Dmitri Shalin, 1990 \(Rus Audio\)](#)); Dmitri Shalin's Comments on the History of Russian Sociology Project. March 15-18, 2006 (<http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Supplements/shalin.html>); Андрей Алексеев, Олег Божков, Галина Саганенко, Леонид Кесельман: «По мере созревания нравственная конфронтация становится политической». (Полная версия: <http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Interviews/alekseev.html>).

¹⁴ Шалин Д. В поисках нарративной идентичности..., с. 22

При этом Д. Шалин не отказывается от трактовки данного события как «гражданской казни», но таковой она предстает теперь скорее как инсценировка, имитация, соблюдение обряда (вспомним яшинские «Рычаги»).¹⁵ Думаю, это существенное «биокритическое» уточнение, позволяющее избежать ложных толкований и субъективных искажений известных (или – полузабытых) фактов, от чего не застрахован и стремящийся к объективной реконструкции прошлого исследователь.

4

Вообще же следует еще и еще раз подчеркнуть, что (авто)биографический нарратив сам по себе, никак не может служить единственным и / или преимущественным источником информации о человеке, не говоря уж о представляемой им сфере деятельности. Что бы ни рассказывал вспоминающий о времени в себе и о себе во времени, он будет пристрастен. Мало того, он **имеет право** на сгущение красок (в свою пользу) или умолчания (опять же – в своих интересах), не говоря уж о естественных абберациях памяти. Он имеет право даже на намеренное искажение реального хода дел в своем повествовании (хотя это будет характеризовать уже не сам этот ход, а моральный облик рассказчика).

И если мы хотим узнать «правду и ничего, кроме правды», то надо перекрещивать разные методы, «триангулировать» (как теперь принято говорить), надо сопоставлять рассказы разных людей об одном и том же событии, и воспоминания об одном и том же лице (включая суждения друг о друге), и всевозможные документальные свидетельства.

В этой связи, мне хочется защитить Д. Шалина от упреков в адрес «поклонников биографического метода», с которым выступил в своем блоге¹⁶, а также на страницах последнего номера «Телескопа» другой наш коллега – В. Э. Шляпентох. О чем чуть ниже.

5

Причины, мотивы, способы, обстоятельства искажения социальной реальности, выступающей объектом биографических исследований, столь многообразны, что устранить, погасить, исключить, застраховаться от них нельзя, а можно только лучше или хуже их контролировать и минимизировать. А уж в том, что касается такой субъективной «материи», как индивидуальная человеческая память, да еще и память о самом себе, то тут нечего и ожидать какой-то «нейтральности», беспристрастности, хотя в принципе не исключена (у отдельных людей) способность к трезвой самооценке, обостренная совесть, готовность «судить себя самому».

Большинство средств контроля и критериев достоверности биографического нарратива лежат вне данного источника - автора и героя биографии (например, личные и официальные документы, архив, сведения и мнения, полученные от других людей). Но есть и «внутренние» критерии – это наличие / отсутствие «позы», соотношение информации «о себе» и «о других», баланс терпимости к чужому мнению и готовности отстаивать свое, непротиворечивость повествования. Есть автобиографические тексты,

¹⁵ Ср. с описанием этого же события другим его участником - Татьяной Протасенко:

«Самое памятное комсомольское собрание нашей структуры, когда мы должны были исключить Шалина из своих рядов, поскольку он собирался эмигрировать, а членов ВЛКСМ на местожительство за границу не выпускали. И, несмотря на то, что ему оставалось до автоматического выхода из комсомола по возрасту чуть больше месяца – нам пришлось проводить это собрание. Диму поджимали сроки. Нужно было изобрести формулировку – смотреть друг другу в глаза мы не хотели, поскольку все всё понимали. Сочувствовали, но испытывали определенное раздражение – он уезжает, а нам отдуваться... В итоге изобрели нечто вроде – исключить за потерю связи с организацией...» (Протасенко Т. З.: «Становление меня как социолога шло зигзагами» // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований, 2011, № 2, с. 9; электронная версия - http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Interviews/protasenko_11.html).

¹⁶ См. <http://vladimirshlapentokhrussian.wordpress.com/>.

которым безусловно веришь целиком, есть - вызывающие сомнение в отдельных местах, есть - когда ясно: «все врет, и не краснеет».

Однако в одном отношении (авто)биографический нарратив оказывается почти всегда достоверным (адекватным). Ведь он есть – неосознаваемый (или лишь частично осознаваемый) автопортрет личности, «**изъявление себя**», каким сложился к моменту этого рассказа, в том числе – в итоге всей описываемой жизни и карьеры. Другое дело, как из этого «образа», создаваемого содержанием, формой и стилем изложения, «считывать» биографическую информацию, точнее – информацию о том, где и насколько представленная рассказчиком картина отличается, не совпадает с реальностью.

Это – достигается опытом, наукой и искусством исследователя.

...Как-то не верится мне, чтобы эти в общем-то элементарные истины были неизвестны тем, кто профессионально занимаются биографическими исследованиями. Но именно в забвении этих истин В. Шляпентох в своем недавнем отклике на статью Д. Шалина ¹⁷ упрекает сторонников («поклонников» - гм!) биографического метода, которые будто бы являются носителями «розовых представлений о готовности их респондентов говорить “правду, только правду и всю правду”». В том, что это не так, убеждают, среди прочего, материалы дискуссий и переписки 2006-2007 гг. специалистов, занятых исследованиями в области истории российской социологии с использованием биографических интервью – Б. Докторовой, Л. Козловой, Н. Мазлумяновой, Д. Шалина, да и автора этих строк – опубликованные на сайте «Международная биографическая инициатива». ¹⁸

Уж не говорю о том, что пафос обсуждаемой статьи Д. Шалина - как раз в критическом отношении к автопрезентации рассказчика в биографическом дискурсе.

В. Шляпентох. исходит из ошибочного, как я считаю, предположения, что обращение исследователя к биографическому методу (в частности, для изучения истории науки) равнозначно утверждению им безусловных преимуществ этого метода перед всеми другими. Между тем, это всего лишь личный выбор, субъективное предпочтение, занятие определенной «культурной ниши» в наукознании (или, может быть, в изучении социума вообще). «Личностное науковедение» или история науки «в лицах» невозможны без обращения к личности ученого, со всем ее субъективизмом, включая рационализацию мотивов, desirable values и т. д.. Но этой сферой и не может быть замещена вся история и социология науки.

Владимир Эммануилович, как мне кажется, "размашисто" приписывает всем приверженцам биографического метода его абсолютизацию и «апологетику», что заведомо не так. Т. е., в известном смысле, он оппонирует не Д. Шалину, а своему "образу оппонента".

Не стану углубляться в детали полемических заметок В. Шляпентоха. Как правило, он во всем прав, кроме выбора адресатов своей критики. Вместе с тем, не стоит ее игнорировать. Как остроумно заметила одна из наших коллег, «все сказанное — очевидно. Хотя иногда кажется, что не грех записать и очевидное».

¹⁷ Шляпентох В. Можно ли бестрепетно доверять автобиографиям видных людей и даже массовым опросам? // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований, 2011, № 4. (Электронная версия -

<http://vladimirshlapentokhrussian.wordpress.com/2011/08/07/%d0%bc%d0%be%d0%b6%d0%bd%d0%be-%d0%bb%d0%b8-%d0%b1%d0%b5%d1%81%d1%82%d1%80%d0%b5%d0%bf%d0%b5%d1%82%d0%bd%d0%be-%d0%b4%d0%be%d0%b2%d0%b5%d1%80%d1%8f%d1%82%d1%8c-%d0%b0%d0%b2%d1%82%d0%be%d0%b1%d0%b8/>).

¹⁸ См.: http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Comments/doktorov_kozlova.html;
http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Comments/mazlumyanova_shalin_06.html;
<http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Comments/alekseev.html>;
<http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Comments/Mazlumyanova-Doktorov.html>).

Итак, похоже, что в вопросе об ограниченности биографического (как и всякого другого!) метода мы с Д. Шалиным, да и с В. Шляпентохом вполне согласны друг с другом, хоть и привыкли выражать это каждый в своих терминах.¹⁹

6

Но как же все-таки истолковать и резюмировать предпринятое Д. Шалиным сравнение жизненной мотивации и жизненных стратегий российских социологов-эмигрантов, с одной стороны, и, с другой стороны, «не эмигрантов», навсегда связавших себя с отечеством, какими бы благоприятными / неблагоприятными ни были для них материальные условия их жизни в нем, возможности творческой самореализации, идейно-нравственная атмосфера, отношение к этой науке властных институций и т. д.?

Мне кажется, не следует пытаться приписать «безусловную правоту» тому или иному жизненному выбору. Этот выбор всегда является многофакторным и ситуационным. И достоинство человека определяется не его принадлежностью к той или иной социальной категории, а его персональным, **уникальным** сочетанием человеческих качеств и жизненных достижений.

То обстоятельство, что человек однажды принял то или иное ответственное жизненное решение (скажем, покинул отечество, вступил в «передовой отряд строителей коммунизма» или же уклонился от этой «чести», «вышел на площадь», подписал письмо в защиту инакомыслящего или целиком посвятил себя «науке и только науке») само по себе не должно быть предметом - ни гордости, ни смущения, ни восхищения, ни сожаления. И только в контексте всего жизненного пути и «суммарных» жизненных итогов следует рассматривать и оценивать эти важные, но вовсе не самодостаточные и не всеопределяющие жизненные шаги и обстоятельства. Скажу так: судите о человеке по совокупности тех «следов», которые он оставляет в жизни других людей, а не по отдельным, вырванным из жизненного и исторического контекста словам и поступкам.

Пожалуй, можно сказать, что биокритическая герменевтика, в смысле Д. Шалина, призвана не только приращивать социальное знание, но и способствовать утверждению вышеуказанной этической максимы.

Что же касается субъективной мотивации и объективного смысла членства / не членства социологов (вообще – представителей гуманитарной интеллигенции) в КПСС, то этот вопрос специально рассматривается в моей статье «30 лет «в строю» (Мое членство в КПСС)», опубликованной в журнале «Телескоп» в том же номере, что и статья Д. Шалина «В поисках нарративной идентичности...». ²⁰ Приводимые Дмитрием примеры могут иллюстрировать и мою, предложенную в той статье типологию партийцев: (а) тип *конформиста*, (б) тип *карьериста* и (в) тип *идеалиста* (романтика). ²¹ Сама эта типология, думаю, не противоречит шалинским реконструкциям нарративной идентичности.

7

¹⁹ Вот, например, как эти мысли превосходно формулирует Д. Шалин:

«... Следует подчеркнуть, что бионарративный факт зависит от фрейма, что генеральную совокупность релевантных анекдотов невозможно определить безотносительно к установкам авто/биографа, что выборочная совокупность эпизодов представленных в бионарративе подвержена ретроспективной ошибке, что здесь не только возможны, но и желательны альтернативные перспективы, на перекрестке которых разворачивается социально-историческая реальность и осуществляется ее осмысление в повседневной жизни и ученом дискурсе. Отсюда следует необходимость умножения перспектив и расширения круга лиц, чей голос представлен в бионарративе» (Шалин Д. В поисках нарративной идентичности..., с. 23).

²⁰ Алексеев А. Н. 30 лет «в строю» (Мое членство в КПСС) // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований, 2011, № 3. (Электронная версия - http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/articles/alekseev_party_11.html).

²¹ Следует помнить, что это типы идеальные и редко когда представлены «в чистом виде».

Два частных замечания.

Перечисляя беспартийных социологов, автор относит к ним Г. П. Щедровицкого.
²² Это неверно. Георгий Щедровицкий был членом КПСС с 1956 по 1968 г. и исключен за "подписанство". Вполне достойная "партийная карьера"!

Автор пишет, что П. Буторину (бывшему сотруднику лаборатории Ядова, эмигрировавшему в ноябре 1974 г.), тогда оставалось еще три года до выбытия из комсомола по возрасту. ²³ Между тем, П. Буторин – 1948 г. рождения. Получается, что он должен был выбыть из этой молодежной организации в 30 лет. Между тем, действительный возрастной предел пребывания в ВЛКСМ – 28 лет. ²⁴

...Вышеприведенные страницы были уже написаны когда я получил возможность ознакомиться с откликом на обсуждаемую статью Д. Шалина, принадлежащим еще одному «социологу-эмигранту», в далеком прошлом – также сотруднику ядовского научного коллектива, Эдуарду Беляеву. ²⁵ Из нашей переписки с Д. Ш. (август 2011):

Д. Шалин – А. Алексееву: ...Эдик Беляев продолжил свои комментарии к дискуссии о проблемах биографического интервью, и я вывесил их на нашем сайте <...>. Эдик еще более критичен, чем Шляпентох, в вопросе о возможностях автобиографического повествования. Тут есть, с чем согласиться, и с чем поспорить.

А. Алексеев – Д. Шалину: Спасибо за ссылку на заметки Э. Беляева. Прочитал их с интересом. Мне не близко столь нигилистическое отношение к (авто)биографическим нарративам, хотя я и предпочитаю судить о людях больше по их делам, чем по словам (тем более относящимся к себе самим). Что-то из нашей с Вами и Борисом (Докторовым) переписки на эту тему вошло и в "Профессию - социолог...". Солидарен я с автором и в том, что биографический метод служит познанию общества больше, чем персон.

Между прочим, заметил особую чувствительность уехавших к тому, как их "проводжали" коллеги. Э. Б., как и Вы, вспоминает соответствующий эпизод 35-летней давности.

Ваша "телескоповская" статья, однако, не оставлена (общественным) вниманием: Шляпентох, Беляев, Фирсов. Ожидается и мой коммент.

Дмитрий в ответ заметил, что, действительно, гражданская казнь врезалась в память уезжавших и вспоминается особенно болезненно.

А. Алексеев – Д. Шалину: ...Да, Беляев, Буторин и Шалин в середине 1970-х не были (публично) обласканы коллегами. Но их гражданские казни я бы не ставил в один ряд с гражданскими казнями Левады, Ядова, Голофаства и др. Первые могли этого ожидать, последние - не напрашивались.

И еще есть проблема «этики прокаженного». Как не "заразить" других своей болезнью. Примеры. <...> ²⁶

²² См.: Шалин Д. В поисках нарративной идентичности..., с. 17.

²³ См.: Там же, с. 14.

²⁴ Кстати, самому Д. Шалину в 1975 г. исполнялось как раз 28 лет. Так что он мог бы в ту пору выбыть из комсомола и автоматически, без мало приятной – как для него, так и для его коллег - процедуры исключения.

²⁵ См. Беляев Э. В. Замечания по поводу интервью социологов и на статью Шалина (http://www.unlv.edu/centers/cdclv/ega/articles/beliaev_interview_11.html).

²⁶ Приведенные в письме примеры:

«...В «Профессии - социолог...» (том 2, с. 421-433) есть раздел, посвященный акции международной защиты профессора Белорусского университета Олега Манаева в 2010 г. (Акция, кстати сказать, оказалась успешной).

Недавно О. М. прислал мне свою последнюю книгу "Становление гражданского общества в независимой Беларуси. Книга третья" (СПб.: Невский простор, 2011). В ней приводятся письма студентов с выражением готовности публичной поддержки опального профессора и его ответы.

Так вот, О. М. писал:

Грань между жертвой, борцом и палачом пролегает не вне, а внутри личности. Не каждый это осознает.

8

Теперь обращусь ко второй части статьи Д. Шалина. Напомню, что ее полное название: «В поисках нарративной идентичности. К диалогу Андрея Алексеева и Дмитрия Шалина».

Тут возникает вопрос: о каком диалоге речь? Возможно, об упоминавшейся выше беседе 1990 г., опубликованной в «Телескопе» (2010, № 4)²⁷, где, среди прочего, мы с Д. Ш. обсуждали тему взаимной моральной ответственности – уезжавших и остающихся? Или имеется в виду – наша с Дмитрием прошлогодняя переписка, успевшая даже найти отражение в книге «Профессия – социолог...» (2010 г.)? Речь там шла, в частности, о следующем (цитирую по упомянутой книге):

«Д. Шалин – Б. Докторову и А. Алексееву: «...Читаю "Драматическую социологию".²⁸ В книге для меня много нового, интересного и очень интересного... Обратил внимание на большое количество купюр и лакун - их иногда по десятку на страницу, в среднем по одной-две купюры на каждую из 2500 страниц. Какие-то из пропусков мотивированы и объяснены, какие-то нет...»²⁹

Это наблюдение тогда дало моему коллеге повод для рассуждений о проблеме «систематических ошибок самовыборки» в автобиографическом нарративе:

«Проблема эта не только историческая и биографическая, но и философская. Мы фиксируем события избирательно, делаем выборку согласно представлениям о собственной персоне, видением своей жизненной траектории, в соответствии с законами времени и условностями жанра. То, что не вошло в повествование... может быть, не менее важно и интересно, чем то, что зафиксировано в автонарративе. Систематические ошибки самовыборки, свойственные человеку, его кругу и эпохе – предмет биокритики и прагматистской герменевтики...»³⁰

Я тогда ответил:

«А. Алексеев – Д. Шалину и Б. Докторову: ...Насчет значка <...>, который частенько встречается на страницах этой книги документов (хоть личных, хоть официальных).

Самоцензура есть законное право автора или составителя и может иметь, как минимум, следующие три мотива: А) Забота представить себя в «выгодном» свете. Тут надо не переборщить, а то ведь читатель не поверит. Б) Забота не доставить дискомфорта другому (ежели, конечно, этот другой, с точки зрения автора, такого дискомфорта не

"Спасибо, юные коллеги! <...> Подобная акция – не шутка, зачинщикам, да и участникам придется долго платить по счетам (возможно, годы), так что не спешите. Мое «дело» еще далеко от завершения, посмотрим, как процесс будет развиваться дальше...».

Другой пример. Из "Драматической социологии..." (том 2, с. 380):

«А. Алексеев - Р. Ленчовскому (1987):

...Ты, вероятно, помнишь о скептической позиции, занятой мною по отношению к намерениям защитных действий в мою пользу — сразу после официального предостережения КГБ, исключения из партии и т. д. Запрета не накладывал, но и не «разрешал», когда меня спрашивали. Мало способствовала гражданственным проявлениям и общественная ситуация 1983–1984 годов.

Лишь в прошлом [1986-м. — А. А.] году я сообщил всем, кто ранее спрашивал моего согласия на те или иные формы защитных действий или гражданской поддержки, что «общественных или личных противопоказаний для таких шагов больше не вижу».

²⁷ См. также на сайте «Международная биографическая инициатива»:

<http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Interviews/alekseev.html>.

²⁸ Алексеев А. Н. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Тт. 1-4 СПб.: Норма, 2003-2005.

²⁹ Алексеев А. Н., Ленчовский Р. И. Профессия – социолог... Том 2, с. 418.

³⁰ Там же.

заслужил). В) Забота просто побережь читателя от длиннот, повторов, «скуки». То есть то, чем книга отличается от архива.

В маркировании купюр я был очень щепетилен (даже изъятие вводного слова фиксировалось). При этом мотив В, как я считаю, заведомо преобладал над остальными, а мотив А стремился к нулю, хоть никто и не может гарантировать такого абсолюта». ³¹

По-видимому, Дмитрия не удовлетворил мой ответ, поскольку он год спустя настойчиво возвращается к теме «изобилия» купюр («одна-две... на каждую из 2500 страниц!») развертывая при этом свои ключевые биокритические соображения (субъективная выборка фактов и т. п.). ³²

Ну, хорошо, посчитаем, благо современная компьютерная технология позволяет сделать это за несколько секунд. Как оказалось, на 2,5 тыс. страниц 4-томника «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия», приходится 243 случая употребления сочетания знаков «<...>». То есть по одной купюре на десяток страниц, а вовсе не по одной-две - на каждую страницу. Ошибся Дмитрий – ни много, ни мало - **на порядок!** ³³

Но дело даже не в этом. Почему-то биокритик полагает, что именно за этими многоточиями в текстах авторских дневников и писем (а иногда и других документов) и таится самое интересное для читателя и / или ценное для истории. «Незафреймованная реальность», как это называет Шалин. ³⁴

«Использование купюр требует протокола... - считает Д. Шалин, - отсутствие его ведет к издержкам и вызывает возражения». ³⁵ Что ж, в свою очередь и я вправе возразить, что слишком строгое следование формальным правилам способно заблокировать всякое живое дело, включая составление документальной композиции.

Замечу, попутно, что не стоит подверстывать «драматическую социологию» под автобиографическое повествование, хотя бы ее автору – наблюдающему участнику - и приходилось описывать, как правило, происходившее с ним самим или им самим предпринятое. Это все-таки разные жанры.

9

Далее мой собеседник (партнер по диалогу) сосредотачивается на **этической** (этико-методологической) проблематике акционистской социологии и исследования случаев, частным случаем которых (такой социологии и такого исследования) является «драматическая социология» автора этих строк. Речь идет о так называемых натуральных экспериментах, термин, который можно трактовать в узком и в широком смыслах, которые Д. Ш. варьирует в разных контекстах.

С одной стороны, Дмитрий оперирует широким смыслом. Так, он и свои собственные шаги после принятия решения об эмиграции в середине 1970-х

³¹ Там же, с. 418-419.

³² Шалин Д. В поисках нарративной идентичности..., с. 21, 23. «Вспомните огромное количество купюр в восьми томах ДС и ПС»...

³³ Между прочим, в 4-томнике «Профессия – социолог...», являющемся в известном смысле продолжением «Драматической социологии...», таких купюр в приводимых личных и / или официальных документах и того меньше: по одной на пару десятков страниц!

³⁴ Иногда биокритик проявляет и совсем уж неуместное любопытство. Прочитую из статьи Д. Шалина пассаж, не представленный в «Телескопе», однако фигурирующий в версии его статьи, вывешенной на сайте «Международная биографическая инициатива»:

«Я обратил внимание, как мало в “Драматической социологии” говорится о семье Андрея, о ее отношении к эксперименту – два-три развернутых эпизода, и все. Где-то по ходу дела выясняется, что у автора сменилась жена (?! – А. А.), что не все члены семейства приветствовали его начинания, но эта сторона практически осталась вне поля зрения рассказчика. Надо полагать, что были тому веские причины, но их стоило бы оговорить (?! – А. А.)». (http://www.unlv.edu/centers/cdclv/pragmatism/shalin_comments-AA-11.html).

³⁵ Шалин Д. В поисках нарративной идентичности..., с. 21.

интерпретирует как своего рода **тест** для своих коллег, которым пришлось, при исключении его из комсомола и т. п., демонстрировать свою лояльность идеологическим инстанциям: «что-то вроде естественного эксперимента, высветившего степень правоверности участников собрания»³⁶. (Этот эпизод, как отмечалось выше, можно трактовать и по-иному). И впрямь, нельзя не согласиться с замечанием Д. Шалина: «Мы все принимали и принимаем участие в вольных или невольных “натурных экспериментах”, и по ходу дела, воспроизводим и/или трансформируем общество, в котором живем».³⁷

Но, с другой стороны, Д. Шалин сужает понятие натурального эксперимента до сугубо сайентистской трактовки, и, в частности, так – применительно к случаю «эксперимента социолога-рабочего», описанному в книге «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия». При этом Д. Ш. обращается к сайту своего университета (Университет Невады), «где опубликованы правила экспериментирования с людьми и объясняются права субъекта исследования» и убеждается, что «...исследование Андрея Алексеева не могло быть одобрено ни одним исследовательским учреждением в Америке».³⁸

Интересно, по каким же основаниям отказано было бы «социологу-рабочему» в «лицензии» на эксперимент: «Во-первых, автор не получил согласия (informed consent) участников эксперимента. Во-вторых, он не обеспечил анонимность субъектов исследования. В-третьих, его процедуры подвергли участников стрессу. В-четвертых, у субъектов не было возможности выйти из эксперимента по своему усмотрению».³⁹

Об этих правилах скажу ниже, а начать здесь хотел бы непосредственно с собственной, оригинальной аргументации моего коллеги, из которой вдруг вырисовывается, насколько можно понять, профессиональная и моральная неприемлемость для Дмитрия Шалина самого по себе метода *наблюдающего участия* и «драматической социологии» как таковой.

Причем некоторые аргументы вызывают недоумение своим отрывом как от социальных, так и от некоторых профессиональных реалий. Вот несколько примеров. Цитирую».

«...Сомнительно этически, поскольку не оберегает репутацию объекта... Л. П. Смирнов, главный технолог завода, где работал Андрей, выразил сомнения по поводу разумности публикации статьи Андрея с критическими замечаниями в адрес заводской администрации (*отказался подписывать акт экспертизы об отсутствии сведений, составляющих государственную тайну. – А. А.*), но если бы он этого не сделал, то рисковал бы своей работой (?! – А. А.), поскольку Андрея уже исключили из партии и преследовали по линии КГБ»⁴⁰

«...Вряд ли можно считать исследование Андрея “акционистским” в духе Турена или “публичным” в смысле Буравого, поскольку оба эти автора имеют дело с хорошо информированными субъектами, добровольно согласившимися принять участие в эксперименте и имеющими право выйти из него в любое время (?! – А. А.)».⁴¹

³⁶ Там же, с. 22.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же, с. 23.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Шалин Д. В поисках нарративной идентичности..., с. 22-23. Из описания этого эпизода в «Драматической социологии...» (Том 3, с. 140) явствует, что главный технолог завода оказался **единственным** членом комиссии, который упомянутого акта экспертизы не подписал.

⁴¹ Шалин Д. В поисках нарративной идентичности..., с. 23. Что касается действительного различия туреновской «социологии действия» и авторской «драматической социологии», как оно мне видится, то об этом подробно см.: Алексеев А. Н. Драматическая социология... Том 1, с. 37-38. Не очень ясно, что в данном случае имеется в виду при ссылке на «публичную социологию» М. Буравого (хоть сам Буравой лично и применял исследовательскую стратегию, близкую к нашей).

Иногда забота моего оппонента о «нарушенных» правах и душевном состоянии людей, оказавшихся в поле действия и / или наблюдения наблюдающего участника, становится просто трогательной:

«...Отношения с Людмилой Кутыриной, инженером-технологом, чьи действия указывали на ее некомпетентность, но можно понять и Кутырину, поскольку ее требования (?! – А. А.)... были продиктованы абсурдной системой, от нее мало зависящей. Временами действия ее сотрудника доводили ее до слез, но, как замечает Андрей, “нам с А. С. (*бригадиром*. – А. А.) жаль ее не было” ... А мне ее жалко. Все-таки человек, а не морская свинка или собака Павлова... И каково будет Кутыриной или ее детям читать о разгильдяйстве и некомпетентности данного субъекта? ... Наверное, у этой женщины были и другие человеческие качества, которые автор не усмотрел или не счел нужным упомянуть (?! – А. А.)». ⁴²

В некоторых случаях Д. Шалин использует аргументацию, по меньшей мере противоречивую.

«...Формула “разгильдяйство = незаинтересованность + некомпетентность + безответственность”... требует уточнения. В книге приводятся множество примеров, где рабочие и служащие предприятия... действуют в высшей степени ответственно и заинтересованно. Я не солидаризируюсь с заводской администрацией в ее отрицании критических замечаний А. Алексеева, но хочу подчеркнуть сосуществование нескольких режимов работы на предприятии, каждый из которых (?! – А. А.) был разумной адаптацией условиям социалистического производства». ⁴³

«...Разведение людей и институтов – можно экспериментировать с ролями, но не с их носителями – проблематично для социолога-гуманиста, для которого не существует институтов помимо их человеческого субстрата, и сомнительно этически, поскольку не оберегает репутацию объекта (?! – А. А.) и в каких-то случаях ставит под угрозу его привычное существование». ⁴⁴

Замечу в этой последней связи, что именно неразличение системы безличных социальных норм, функций, отношений, с одной стороны, и реальных индивидов «из плоти и крови», с их личностными особенностями, с другой, представляется мне неприемлемым для социолога-гуманиста.

10

В чем тут дело? Почему такое неадекватное прочтение авторского подхода и метода?

Мне кажется, это можно объяснить:

а) своего рода органическим отторжением академическим ученым акционистского подхода вообще и - конкретно - логики *познания действием*, составляющей методологическую суть «драматической социологии»;

б) смешением личных и общественных (приватных и публичных) действий и отношений, в качестве предмета социологического изучения (на самом деле только вторжение в личную сферу этически запрещено!) ⁴⁵;

⁴² Шалин Д. В поисках нарративной идентичности..., с. 23.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же, с. 22.

⁴⁵ «...Наблюдающему участнику не позволено вторгаться в приватные сферы, если только сами “герои драмы” не включают эти сферы в свое публичное поведение” (Алексеев А. Н., Ленчовский Р. И. Профессия – социолог...». Том 1, с. 27). Комментарий оппонента: «Эта нормативная установка также вызывает возражения...» (Шалин Д. В поисках нарративной идентичности..., с. 22).

Можно было бы счесть это высказывание коллеги случайной оговоркой, если бы не отмечавшееся выше усмотрение им дефицита информации о человеческих качествах технолога Кутыриной и о семейной жизни социолога-рабочего.

в) забвением того обстоятельства, что «драматическая социология» предполагает экспериментальное воздействие на социальный объект не «извне», а «изнутри», при постановке исследователем также и себя самого в положение не столько экспериментатора, сколько испытателя и / или испытуемого.

В этом последнем случае (обозначаемом нами термином *наблюдающее участие*) действуют совсем иные критерии и нормы, чем те, которые могут и должны применяться в экспериментах типа Хоторнского или Стэнфордского.

Поэтому мне не хочется в деталях оспаривать этические сомнения и возражения моего уважаемого коллеги. В гуманитарной науке, как и в искусстве, как и во многих других сферах деятельности, есть вещи, которые не требуют доказательств, а принимаются или отвергаются на уровне едва ли не подсознания и нравственного чувства. И если нравственное чувство моего оппонента требует получения у главного или цехового технолога «согласия», на то, чтобы их служебная деятельность и производственное поведение стали предметом профессионального внимания социолога-рабочего, то что же тут возразишь?! Разе что можно – в шутку – пожелать коллеге самому получать разрешения на биографику от героев своих штудий или же их (героев) наследников.

Всякая политкорректность (а этические рассуждения Д. Шалина сродни ей), будучи доведена до крайности, приходит в противоречие со здравым смыслом. И риторический вопрос: «Имеет (ли) мы право вовлекать сограждан в наши эксперименты, можем мы это делать без их согласия, правильно ли раскрывать имена участников событий, и в какой степени мы отвечаем за последствия эксперимента?»⁴⁶, - исключает универсальный ответ. Ответ может быть лишь **ситуативным**, с учетом всей совокупности внешних и внутренних факторов и обстоятельств.

Кстати, насчет раскрытия имен. В письмах-дневника-отчетах социолога-рабочего своим коллегам («Письма Любимым женщинам»), а также в той самой статье 1983-1984 гг., публикации которой воспрепятствовал упомянутый выше главный технолог, **все до единого** действующие лица были под псевдонимами, и даже само промышленное предприятие не называлось. Но как быть, когда сами же «герои» себя «рассекретили», подписывая документы и совершая **публичные** поступки, получившие широкую огласку? Здесь «деликатность» исследователя была бы по меньшей мере бесполезной.

11

Мой оппонент, точнее - оппонент «драматической социологии» (будь то моя книга 2003-2005 гг., будь то наша с Р. Ленчовским - 2010 г.), пишет как бы в упрек: «...Автор не предоставил возможности всем респондентам ответить на его критику и сформулировать альтернативную точку зрения на описываемые события». ⁴⁷ В том смысле, что автор не обращался ко всем своим «героям» за рецензиями, Д. Ш. прав. Но писаная история «эксперимента социолога-рабочего» буквально перенасыщена «альтернативными точками зрения» (не исключая обвинений в «клевете на советскую действительность», кстати сказать). ⁴⁸ Как уж Дмитрий не заметил этого «многоголосия», составляющего едва ли не главную черту «драматической социологии» как литературного жанра, Бог весть.

«Будь на то моя воля, я бы дал слово и Смирнову с Кутыриной, и Голоду с Елисеевой, и Осипову с Руткевичем, и Парыгину с Сиговым. Пусть выскажутся, если хотят. Может быть, и у них мы сможем чему-то поучиться. Или, по крайней мере, лучше их понять», - пишет Д. Шалин. ⁴⁹

⁴⁶ Шалин Д. В поисках нарративной идентичности..., с. 22

⁴⁷ Там же, с. 23.

⁴⁸ См.: Алексеев А. Н. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Тт. 1-4. СПб.: Норма, 2003-2005. Главы 7-10, 13, 22.

⁴⁹ Шалин Д. В поисках нарративной идентичности..., с. 22

Интересно, как мой коллега это себе представляет? Все же авторская монография – не дискуссионная трибуна или клуб. Впрочем, почти все упомянутые лица и без того получили слово на страницах той или другой из двух книг. А если кто-то из этих лиц захочет еще и специально высказаться, то у него для этого возможностей во всяком случае не меньше, чем у автора этих строк.⁵⁰

Существует такая критическая (не биокритическая!) практика: взять некое положение или некую черту обсуждаемого произведения и, сочтя их будто бы отсутствующими там, их же и провозгласить как насущно необходимые. Боюсь, что так произошло и здесь. Произошло, скорее всего, неосознанно - от увлеченности моего партнера по диалогу собственным концептуальным построением, которое «ищет» самоподтверждения, в том числе и посредством опровержения другого.

И еще, может быть, от некоторой фрагментарности освоения материала («Драматическая социология...», равно как и «Профессия – социолог...») рассчитаны на целевое, избирательное чтение - рядового читателя, но не оппонента»). Мог сказаться и цейтнот с подготовкой статьи, нечаянным свидетелем которого я стал сам, будучи на связи с ведущим данной рубрики «Телескопа».

Написал и думаю: вдруг мой коллега, собеседник и «этический ментор» с этим последним моим соображением согласится, и тогда останутся для коллективного обсуждения только действительно принципиальные и не проясненные методологические и этические вопросы.

12

В заключение, остановлюсь еще на одном моменте, по которому у нас с Д. Шалиным, похоже, имеются разногласия. В статье «В поисках нарративной идентичности...», среди прочего, затрагивается (скорее намеком) тема «сотрудничества» социологов с политической полицией (КГБ). Вообще, интервьюируемые обычно избегают этого сюжета или же рассказывают, как они давали отпор попыткам их завербовать (что было не редкостью в среде работников «идеологического фронта»).

Точка зрения Д. Ш. будет показана ниже.

...Мне известен лишь один случай сверхоткровенного и самокритичного рассказа о практике такого сотрудничества (кстати сказать, идейного!) в молодости: Владимир Долгий-Рапопорт в биографическом интервью, данном Любви Борусяк (цикл «Взрослые люди» на Полит.ру).⁵¹

Игорь Семенович Кон в одном из своих писем замечал:

«...Для истории как раз важно, что так поступали не только продажные карьеристы. Но и люди, которые потом доказали свою порядочность. А что ими двигало - страх, стадность, непонимание последствий - пусть разбирается биограф. Объективной истины о человеке не бывает, потому что он субъект».⁵²

Но как быть сегодняшнему биографу и историку, как правило, не располагающему надежно установленными фактами, а только предположениями на сей счет? Или, скажем, интервьюеру, которому его собеседник сообщает **о другом** человеке, что тот сотрудничал с КГБ (хоть и нет тому доказательств).

⁵⁰ Между прочим, с реакцией на материалы последнего исследования («Казус СИ РАН») был такой смешной эпизод. Одна из читательниц первого тома 4-томника «Профессия - социолог...» заметила, что ей жаль, что автор столь негативно оценивает одного из хорошо известных и симпатичных ей сотрудников. Причем простоудушно не заметила, что в книге нет ни одного авторского высказывания об этом сотруднике, а только суждения других людей, а негативное впечатление создают прежде всего... его собственные публичные тексты, включенные в документальную композицию!

⁵¹ См. <http://www.polit.ru/analytics/2009/11/11/philos.html>.

⁵² Письмо к А. Алексееву от 6.12.2009. Цит. по: Алексеев А. Н., Ленчовский Р. И. Профессия – социолог... Том 2, с. 495.

Приведу извлечения из нашей переписки с Б. Докторовым и Д. Шалиным 2009 г. на сей счет:

«А. Алексеев – Б. Докторову: Мне кажется... что не стоит в дальнейшем (по крайней мере применительно к конкретным персоналиям) акцентировать тему «сотрудничества» с политической полицией. В частности, В. Д. (В. Долгий-Рапопорт. – А. А.) искупал этот грех всю жизнь, и, может быть, не было бы такой яркой и бескомпромиссной жизни кабы не это обстоятельство. Тут и апостола Павла вспомнишь, и Гюнтера Грасса (нобелевского лауреата «признавшегося», что некогда служил в СС)...

А. Алексеев – Д. Шалину и Б. Докторову: ...Насчет «спорного» пассажа в мемуаре <...>. Я не к тому, чтобы такого рода предположения (речь идет о предположении мемуариста о сотрудничестве коллеги с органами ГБ. – Ред.) были вообще запрещены (хотя я лично их себе запрещаю). Но, по крайней мере, был бы уместен какой-то мораторий на такие умозаключения и оценки, до истечения некоего неопределенного "срока давности"... 2.07.2010.

Д. Шалин - А. Алексееву и Б. Докторову: Есть и другой взгляд на вещи. Из исторической песни слова не выкинешь, разные припевы имеют в ней право на существование, и если образ усопшего не вписывается в определенные рамки, так это естественно, поскольку история не линейна, противоречива и загадочна. 3.07.2010.

А. Алексеев – Д. Шалину и Б. Докторову: И все же я безусловно и категорично отдаю здесь предпочтение соображениям этическим перед «историческими» Тем более, что при отсутствии прямых доказательств, последние становятся не более чем скандальными... 4.07.2010.

Б. Докторов – А. Алексееву и Д. Шалину: Я тоже за приоритет этического, тем более, что в этом высказывании о коллеге нет собственно исторического. 4.07.2010.

Д. Шалин – А. Алексееву и Б. Докторову: ...Сама дихотомия этически-морального и познавательно-исторического вызывает сомнения. Обе позиции имеют этическую составляющую, обе существенно влияют на познавательную стратегию, обе имеют право на существование и могут быть взяты на вооружение порядочными людьми. <...>

Вводя факты и догадки в оборот сегодня, мы даем возможность ответить <...> если не самому объекту мемуарного повествования, то тем, кто его знал и в состоянии пролить свет на существо дела. Откладывая дискуссию на будущее, мы можем лишиться важных свидетельств. Конечно, тут встают свои проблемы - непроверенность фактов, предвзятость мемуариста <...>, разжигание страстей и междоусобиц. Но биографии позволяют судить не только об их предмете, а и о самих биографах. <...>

Общественная реакция на нескрупулезные догадки и заявления может сдержать кого-то из борзописцев. <...> 5.07.2010».⁵³

Как видно, в данном вопросе Дмитрий Шалин не столь этически чувствителен, как в проблематике «натурных экспериментов», предоставляя, в интересах исторической и / или биографической правды, защищать честь оскорбленных серьезным подозрением - **им же самим**, или же уповая на «общественную реакцию»...

Итак, некоторые из соображений, высказанных в статье «В поисках нарративной идентичности. К диалогу Андрея Алексеева с Дмитрием Шалиным», автором этих строк поддерживаются, а некоторые - вызывают сомнения или даже опровержение.

Август-сентябрь 2011

**

IX. Текущая переписка. Отклики

⁵³ Цит. по: Алексеев А. Н., Ленчовский Р. И. Профессия – социолог... Том. 2, с. 494-496. Напомню, что все личные письма в книге цитируются с согласия корреспондентов

Включение 33. Из переписки А. Алексеева и Б. Докторов

Б. Докторов – А. Алексееву

23.09.2011

Андрей, только тебе.. Надо было рассылать статью ОТДЕЛЬНО.. как самостоятельный продукт.. я в этом убежден.. Протокол (5,5 листов) - неудачная площадка для ВВОДА статьи.. Боря

*

А. Алексеев – Б. Докторову

23.09.2011

Да, Боря, промашка вышла. Я нечаянно прикрепил к письму-рассылке файл с кумулятивным текстом дискуссии 2 вместо текста собственной статьи. Ну, сам себя наказал – отвлек внимание адресатов от этой статьи, так что прочитают теперь лишь особенно дотошные. Жаль. Издержки работы протоколиста.

Исправляюсь вот таким письмом ко всем (см. ниже).

Ну, едем дальше, стараясь не повторять ошибок. АА.

**

Включение 34. А. Алексеев - Э. Беляеву, Л. Борусяк, Б. Вульфовичу, А. Готлиб, Е. Григорьевой, Б. Докторову, М. Илле, Л. Козловой, Р. Ленчовскому, Н. Мазлумяновой, О. Маховской, В. Семеновой, Б. Фирсову, Д. Шалину, Ф. Шереги, В. Шляпентоху, В. Ядову, О. Шевченко, И. Ременнику, И. Клюканову, М. Эпштейну

23.09.2011

Уважаемые коллеги!

По моей оплошности, сегодня днем я вместо текста собственной статьи "[На стыке методологических и этических проблем \(Читая Дмитрия Шалина. Продолжение диалога\)](#)", о которой шла речь в письме, прикрепил к письму рабочий кумулятивный файл дискуссии «Биография и биокритика», куда, впрочем, эта статья входит составной частью.

Если кто-либо захочет получить текст статьи отдельным файлом – дайте знать, вышлю.

С извинениями и уважением, Андр. Алексеев

**

Включение 35. Из переписки А. Алексеева и Б. Докторов

23.09.2011

Переживем, Андрей..

Сегодня, наконец, каждый может скачать мою книгу про Обаму..
<http://fom.ru/special/kto-stanet-prezidentom-ssha/javlenie-baraka-obamy.html> законно.. а то она висит на каких-то сайтах, а там, где должна была быть, не было..

*

А. Алексеев – Б. Докторову

23.09.2011

Мои горячие поздравления! Вот теперь "[Явление Барака Обамы. Социологические наблюдения](#)" станут читать. Кстати, мы виделись с БМ, и я получил твоего "Гэллапа". (Докторов Б. Джордж Гэллап. Биография и судьба. М.: Полиграф-информ, 2011). СПАСИБО. АА.

*

Б. Докторов – А. Алексееву

23.09.2011

Прекрасно.. полистай на досуге.. <...>
Теперь начну «спецоперацию» по размещению на сайтах книги о Гэллапе на русском и англ языках.. 18 ноября у меня «семейный» праздник.. 110 лет со дня рождения мэтра.. куплю красивую рамку и помещу фото Гэллапа на стенку..
Боря

*

А. Алексеев – Б. Докторову

23.09.2011

...Да, книгу о Гэллапе тоже очень желательно вывесить. АА.

**

***Включение 36.** А. Алексеев – Д. Шалину. Копия - Б. Докторову, Л. Козловой, Р. Ленчовскому, Н. Мазлумяновой.*

23.09.2011

Дима!
Совершенно согласен с Вами, что [отмеченный] Вами пассаж из письма <...> (*имя рек. – А. А.*) неприемлем для включения в общую дискуссию, по этическим соображениям. По счастью, он не получил широкого распространения, и, надеюсь, не получит. <...>
Перед рассылкой итогового файла этой дискуссии и ее вывешиванием на сайте МБИ, я думаю, нам с Вами следует связаться с <...> и попросить его о соответствующей купюре или редактуре.

Во всем остальном, что Вы пишете о формате дискуссии и т. п., я также вполне с Вами солидарен. Впрочем, как говорит Борис, «жизнь покажет...».

Сегодня я включил в рассылку «незримого колледжа» и вокруг него текст известной Вам статьи [“Читая Дмитрия Шалина...”](#), которая уже легла в макет «Телескопа» № 5. По возможности, поместите этот текст на сайт МБИ, равно как и статью Б. Докторова [«К семилетию рубрики...»](#), рассылавшуюся мною несколькими днями ранее.

Ваш – Андр. Алексеев.

**

[Включение 37. Из переписки А. Алексеева и Е. Григорьевой](#)

23.09.2011

[Е. Григорьева - А. Алексееву](#)

Добрый вечер, Андрей Николаевич! А Вы не хотите просто сделать форум в классическом (интернетском) виде?

*

[А. Алексеев – Е. Григорьевой](#)

Дорогая Лена!

Не знаю, как коллеги, а сам я - нет, не хочу. В “классическом” (интернетском) виде, форум становится либо *открытым*, и тогда утрачивается своего рода интим переписки со-умышленников (или же получается «интим на публику», чего я так не люблю в блогах), либо – в случае *закрытого* форума - клуб для избранных, с регистрацией, паролем и т. п. Терпеть не могу все эти регистрации... Оригинальность нашего сетевого “незримого колледжа”, в частности, в его “полукустарной” (ремесленной) технологии. В сущности - групповая переписка, выводимая потом на сайт уже в вычитанном, авторизованном, структурированном виде. Будем считать нас (по крайней мере, меня) консерваторами, традиционалистами.

Впрочем, я не отрицаю возможности «классического» современного форума, но в другом составе и с другими целями.

Ваш - Андр. Ал.

*

[Е. Григорьева - А. Алексееву](#)

Ну, как хотите.

*

[А. Алексеев – Е. Григорьевой](#)

Спасибо, Лена! АА.

*

[Е. Григорьева - А. Алексееву](#)

Не за что. Понимаю Ваш консерватизм, но не разделяю.

**

Включение 38.. Из переписки А. Алексева и Ф. Шереги

23.09.2011

Ф. Шереги – А. Алексеву

Материалы прочитал с интересом. Не будучи участником описываемых событий, не хочу включаться в дискуссию, да и времени нет до ноября. Меня привлекли не факты, а угол зрения, логика рассуждений. Думаю - это первый шаг к откровенной беседе, в большой степени обусловленный не профессиональной, а “коллегиальной” этикой.

Именно по этой причине у меня вызывает опасение - не последует ли “освобождение джина из бутылки”?

Этот “рецепт” свойственен либерализму: сначала “смело товарищи в ногу”, потом “кто виноват?”, потом “междусобойчик” по принципу Армянского радио, у которого спросили – “Будет ли третья мировая война?”. “Нет - отвечает Армянское радио, - но будет такая борьба за мир, что камня на камне не останется”.

Отсюда вывод: стоит ли “стирать грязное белье”?

*

А. Алексева - Ф. Шереги

Вы знаете, Франц, я тоже довольно скептически отношусь к поискам “доскональной правды” в текстах или между строк биографических интервью. Но соучастие в “незримом колледже” далеко от единомыслия в данном и других вопросах. О чем Вы могли судить и из последних материалов нашей дискуссии.

Дружески Ваш - Андр. Алексева.

*

Ф. Шереги – А. Алексеву

Уважаю свободу личности и свободу слова. С интересом буду знакомиться и с другими материалами дискуссии.

С уважением Ф Шереги

*

А. Алексева – Ф. Шереги

Спасибо. АА. 23.09.2011.

**

Х. Диалог Д. Шалина и Н. Мазлумяновой

Включение 39. Д. Шалин – А. Алексееву, Б. Докторову, Л. Козловой, Н. Мазлумяновой

24.09.2011

Привет Андрею и Ближнему Кругу.

Рад видеть пополнение к нашему диалогу. Вывесил на МБИ статью Андрея в формате PDF (http://cdclv.unlv.edu/archives/articles/aa_ethics_11.pdf). В формате HTML пока не получается, есть проблемы с форматированием.

Наташа Мазлумянова и я возобновили [наш давний диалог](#), но тут же спохватились, что и другим может быть интересно. Прикладываю к сему посланию наш недавний обмен мнениями.

Андрей, это не к спеху, но когда появится возможность, пожалуйста, подшейте тот материал к делу и оповестите о нем всех участников МБИ форума.

Всего хорошего, Дмитрий

**

Включение 40. Диалог Д. Шалина и Н. Мазлумяновой

Н. Мазлумянова – Д. Шалину

22.9.2011

Добрый день, Дима.

Вижу, что размеры колледжа растут, и это замечательно. Мне очень интересно было бы прочесть какие-то соображения на этот счет Магуна, Жолковского (легендарная личность), Паперного, Готлиб. Будет жаль, если они ничего не напишут.

Что касается резкости формулировок. Конечно, следует соблюдать политес, не обижать людей. Хотя жаль отказываться от выразительных текстов <...> (*имя рек. - А. А.*), но что поделаешь.

Вообще ваша задача, на мой взгляд, (восстанавливать реальные портреты людей) столь же занимательна, сколь и невыполнима. Правды никто не скажет, более того, никто ее и не знает. Характеристики, даваемые описываемым персонажам, - чаще всего самопроекции или проекции своих представлений о должном, нормальном и проч. Вы знаете, сколько мы с Ларисой говорили о Батыгине, вспоминали его, строили его образ. И как редко наши Батыгины совпадали... А в вашем Батыгине совсем почти нет моего...

**

Д. Шалин – Н. Мазлумяновой

22.09.2011

Greetings Natasha:

It looks like your message was intended for me rather than for our inner circle. Just want to make sure this is the case.

Reaching Truth or “the real thing” is not my goal. I aim at indefinite reconstruction that multiplies perspectives and shows the complexity of social reality.

I suspect that my queries about Batygin left somewhat distorted image of how this man appears to me. I think he was a great man on our scale of existence, who did wonderful things

for many people and our common cause. This is not to imply that there were occasions and respects in which his complex persona rankled. This is true of us all, of course.

All best, Dima

**

Н. Мазлумянова – Д. Шалину

22.09.2011

Дима, я писала прежде всего Вам, но теперь думаю, что всем было бы интересно прочитать более подробно, что значит “Reaching Truth or the real thing is not my goal. I aim at indefinite reconstruction that multiplies perspectives and shows the complexity of social reality”. Мне казалось, что Вы хотите реконструировать характеры личностей, реальную мотивацию их поведения в определенных обстоятельствах. Хотя, конечно, попытка дать всестороннюю оценку персонажа разными людьми вызывает куда меньше вопросов и возражений.

Всего вам доброго, Наташа

**

Д. Шалин – Н. Мазлумяновой

22.09.2011

Наташа,

Действительно, наш обмен мнений может заинтересовать других участников Форума, во всяком случае, его заводил. Если не возражаете, его можно переслать Андрею, Борису и Ларисе.

Я не ишу правду в последней инстанции. Последнюю можно установить во многих случаях, но вопросы, на которые можно ответить в формате “да-нет”, “истина-ложь” не самые интересные.

Если я скажу, что у меня дома на книжной полке стоят девять томов Вавилонского Талмуда 1918 года издания, то суждение это будет либо истинным, либо ложным. В реальности на полке могут оказаться не девять томов, а восемь или десять; я мог перепутать год издания; книги окажутся не на полке, а в гараже. Но установить сам факт в принципе можно. Труднее выяснить, пользуюсь ли я этим изданием. Если я утверждаю, что пользуюсь им регулярно, то нужно определить понятия “регулярно” и “пользуюсь”. Если же я стану утверждать, что следую талмудским предписаниям, то проверить это суждение будет еще сложнее. Потребуется сформулировать принципы Талмуда, найти операциональные определения термину “следовать”, принять во внимание, что какие-то из положений почтенной книги противоречат друг другу, и так далее.

Вот реальный пример из жизни. Где-то вначале 1974-го я подавал документы на поездку в Западную Германию по линии Совета молодых ученых при райкоме комсомола. Со мной попросил встретиться гэбэшник, который расспрашивал меня о работе, говорил какие-то комплименты (я только что защитил кандидатскую), и затем попросил меня следить за другими участниками делегации во время поездки в Германию. Было противно, но я готов был на это пойти, полагая что, никто меня не заставит стучать на членов делегации (“ничего не видел”, “ничего не слышал”, и все тут). Но сотрудник органов, полагая, что он нашел покладистого человека, стал меня расспрашивать о моих коллегах в ИКСИ и просил ставить его в известность о поведении конкретных персонажей (сейчас уже не помню, кого именно). Я тут же очухался и сказал,

что не подхожу для такого рода занятий. Гэбэшник сначала удивился, потом рассердился, потом посоветовал еще подумать. Визу мне не открыли (“Москва зарезала”, посетовало местное комсомольское начальство) и в Германию я не поехал. Ядову, Беляеву и кому-то еще я об этом разговоре сообщил по горячим следам.

Согласно Володе Шляпентоху (см. [Дискуссию 1 "О "незримом колледже" и биографических интервью"](#), включение ... - А. А.), говорить об этом эпизоде не следует, поскольку нет свидетелей моего разговора с гэбистом, и вряд ли протокол этой беседы сохранился в архивах КГБ (хотя кто знает). Но я не вижу, почему мою версию событий нельзя предать гласности. Ничего героического в моем поведении не было, я не послал чиновника подальше, а вежливо уклонился от бремени стукача, хотя мои шансы на зарубежные поездки после такого поворота событий, наверное, уменьшились. То же самое можно сказать о [деле Бориса Раббота](#). Мы не можем проверить, действительно ли Борис подвергся избиению КГБ, насколько жестоким оно было, и как он вел себя во время допроса. Но такого рода событие могло иметь место, и в отсутствии контрсвидетельств, я склонен принять на веру этот эпизод.

Об отношениях Раббота с Румянцевым, и особенно о публикациях, подготовленных Борисом для высокопоставленного чиновника судить непросто. То, что доклады писал не один Борис очевидно, но что он вообще их не писал, утверждать нельзя. Баткин не утверждает этого в своей заметке (см. [часть 1 Дискуссии 2 "Биография и биоκριтика"](#), включение 1. – А. А.), а у Бориса были публикации до того, как он стал референтом Румянцева. Так что, почему нет?

Как я уже замечал в ходе обсуждений на [МБИ Форуме](#), истина раскрывается на пересечении перспектив, в ходе непрерывной триангуляции, и когда мы имеем дело с человеком, то истина часто оказывается противоречивой. Бурдые характеризует Ирвинга Гофмана как человека “теплого, дружелюбного, скромного, участливого”, а Дин Маканнел описывает его как “ироничного, ненадежного, скрытного, неотзывчивого”. Кто из них прав? Судя по мемуарам и интервью в архивах Гофмана, оба правы. Володя Шляпентох был у Гофмана дома и запомнил его как человека радушного и щедрого (V. Shlapentokh, [“The Pen of a Genius is Mightier Than the Writer Himself”](#)), а по воспоминаниям Эвиатара Зерубавеля, у которого Гофман был научным руководителем, работать с его ментором было пыткой (E. Zerubavel, [Studying with Erving Goffman](#)).

Именно поэтому я вижу личность как стохастический процесс, где человек ведет себя как частица в квантовой механике – пока ее не локализуешь наблюдением, она движется в разных направлениях, имеет множество параметров, и только при конкретных обстоятельствах (например, когда мы просим респондента заполнить анкету) она принимает то или иное значение. Сменилась ситуация – и человек проявляет себя как-то иначе, ведет себя непоследовательно, или вовсе противоречиво. Эта неопределенность не есть погрешность инструмента, как принято считать в классической теории, а кардинальное свойство социальной реальности. Нам остается отслеживать вероятности, тенденции и векторные характеристики поведения личности, конкретной или типовой.

Итак, я не стремлюсь схватить человека как такового, показать его подлинное лицо, а хочу выяснить наибольшую амплитуду колебаний в поведении конкретной личности или групп личностей в определенных социально-исторических условиях. На это направлена прагматистская герменевтика. На тех же принципах построена [методология MoodCount Survey](#).

Ладно, пора кончать. Завтра меня ждет административная рутина в департаменте. Всего хорошего, Дима

**

Н. Мазлумянова – Д. Шалину

23.09.2011

Дима,

В случае с Талмудом все-таки можно говорить о некоей истине, только менее конкретной - налицо сам факт того, что Вы имеете некое отношение к Талмуду независимо от того, на полках он у Вас или в гараже и насколько Вы придерживаетесь его правил. Более того, если Вы начнете отрицать какое-либо знакомство с этой книгой, парадоксальным образом Вы также связываете себя с ней - Вы демонстрируете к ней отношение, только минусовое.

И как единственный свидетель беседы с гэбистом Вы имеете, конечно, полное право заявлять о том, “как все было”, почему нет? Во-первых, это вполне правдоподобно. Во-вторых, Вы как человек достойны доверия. В-третьих, других данных нет, и.т. д.

К тому же ваше исследование все равно не может не отражать ваши особенности личности, пристрастия. Так или иначе, в основе всего лежит видение ситуации и респондента исследователем, никуда не денешься. И свидетелей для триангуляции он будет подбирать пристрастно, при всем стремлении к объективности. (Если же исследование проводит нанятый незаинтересованный человек, отклонения от реальности все равно будут иметь место, только нелепые и дурацкие).

Еще одно замечание в добавление к вышесказанному. Как редактор я заметила, что тексты чужих интервью часто бывает сложно переформулировать, для этого требуется дополнительная информация, приходится обращаться за помощью к интервьюеру. Читая интервью с незнакомыми мне респондентами, я мало что могу сказать про личность этих людей. Половина используемой при создании выводов исследования информации - в голове у исследователя.

То, что Вы пишете о личности как о стохастическом процессе, верно и красиво выражено. Как, впрочем, верно и то, что границы этого движения более-менее очерчены, существуют наиболее вероятные направления движения частицы, определенные его тенденции. Это и называется личностью.

Но то, что Вы это обговорили, - хорошо, стало понятнее, меньше возникает вопросов. Модель личности как процесса очень выразительна. Я полагаю, такой ваш интересный и полный ответ нужно донести до других участников дискуссии.

Всего вам доброго,

Наташа

**

Включение 38. А. Алексеев – Д. Шалину, Н. Мазлумяновой. Копия - Б. Докторову, Л. Козловой, Р. Ленчовскому

24.09.2011

Уважаемые Дима и Наташа!

Ваш диалог мне тоже представляется увлекательным и общеинтересным. С удовольствием разошлю его всем 20 нашим говорящим и / или пока молчаливым соучастникам.

Как хорошо заметила Наташа, «правды никто не скажет, более того, никто ее и *не знает*». С другой стороны, человечество не придумало лучшего способа приближения к (недосягаемой) истине, чем общение. Наши биографические (и не биографические) интервью, свидетельства, воспоминания, даже документы – все это формы общения. Вот и

возникает надежда определить если не единый модуль, то хотя бы амплитуду поведенческих и мотивационных колебаний личности, как точно выразился Дмитрий.

Но вообще-то, повторю вслед за Э. Беляевым, для социологии более интересны *паттерны*, образцы и стереотипы поведения, чем персональные портреты, даже и в случае истории социологии «в лицах». Поясню на обсуждаемых вами примерах последствий для личности отказа от сотрудничества с ГБ.

В моей «Драматической социологии и социологической ауторефлексии» (том 1, с. 98-99) описывается такой эпизод (запись дневниковая):

«Странное» совпадение

16.01.80. Один мой хороший знакомый, социальный психолог, назову его В., оказывается, в течение двух лет подвергался нажиму со стороны капитана ГБ М-ва Бориса Григорьевича (того самого, который, еще в 1976 г., навещал меня в ИСЭПе, якобы за консультацией насчет возможностей контент-анализа, а по существу — с предложениями о сотрудничестве). Нажим на В. был такого же рода. Только тот, будучи, в отличие от А., человеком мягким, не нашел аргументов для отпора.

Сотрудник ГБ уклонялся от встречи с В. на работе, подчеркивал конфиденциальность, назначал место свидания в сквере, в Доме книги и т. п. Суть бесед: Вы специалист, который может «нам» помочь (действительно — специалист высокого класса!); отказ от помощи «нам» говорит не в Вашу пользу; кстати, мы о Вас знаем «кое-что» (а знать-то нечего, наилучшее поведение!); и прочие пакости — заигрывание пополам с шантажом. В какой-то момент В. взорвался и заявил, что поведение сотрудника «компетентных органов» напоминает ему «методы охраны». Потребовал служебное удостоверение и пристально его рассматривал (наконец-то! в свое время А. с этого начал и, предав встречу гласности, сумел сделать ее последней). Собеседник В. был как бы оскорблен.

На следующий день (!) мой знакомый был беспричинно избит в лифте преследовавшими его на улице тремя мужчинами, которым, похоже, ничего от него не было надо, кроме того, чтобы избить. А капитан ГБ больше не объявлялся...

Такое стечение обстоятельств допускает различные истолкования. К сожалению, В. рассказал мне об этом лишь полгода спустя, когда уже поздно было ему советовать, как себя вести в подобных случаях. Закljučая эту невыдуманную историю, обойдемся без резюме».

Что следует из этого примера, в сопоставлении с обсуждаемым вами случаем Бориса Раббота, а также множеством других, известных нам?

- что подобная практика давления («воспитания», а иногда и мести) со стороны политической полиции имела распространение;

- что такая практика оставляла изрядное пространство для предположений и домыслов о цепочках причин и следствий (я, например, не сомневаюсь, что среди лиц, избивавших В. в лифте, офицеров госбезопасности не было);

- что рассказчик (Б. Р.) изложил свою **версию** события, скорее всего реально произошедшего с ним, откуда не следует, что надо обязательно искать каких-то дополнительных подтверждений, тем более что 40 лет спустя их уже и получить невозможно.

Так что, «презумпция доверия» в биографике так же необходима, как «презумпция невиновности» в уголовном праве. Разве что человек многократно и бесспорно изобличен во вранье.

Благодарю Диму за оперативное вывешивание на сайте МБИ моей статьи "[На стыке методологических и этических проблем \(Читая Дмитрия Шалина. Продолжение диалога\)](#)". Вот еще бы и обзорную статью Бориса "[К семилетию рубрики "Современная история российской социологии"](#)" поскорее вывесить.

Ваш – Андрей Алексеев.

**

XI. Всех послушав, пусть каждый делает СВОЕ дело

Включение 41. Докторов – А. Алексеёву. Копия – Л. Козловой, Р. Ленчовскому, Н. Мазлумяновой, Д. Шалину

24.09.2011

...Я начинаю побаиваться того, что мы подходим к моменту выплескивания ребенка.. мы сами навешиваем на свои ноги такие вериги, с которыми ходить не будем.. мы начинаем говорить о полной правде и категориях того же уровня абстрактности.. итальянская забастовка – это работы только и исключительно по-правилам.. т.е. паралич.. почему? настоящая работа – это творчество, которое не всегда вписывается в пространство, ограниченное ранее выработанными правилами.. я исхожу из того, что мы имеем дело с «правдой обобщения», с «правдой достаточности», с «правдой доминирования».. не с ложью.. «правда обобщения», это конструкт, на основе которого мы живем.. который лежит в основе деятельности, общения.. (Как-то Юрия Гагарина журналист спросил: «Как живешь?» Гагарину это уже так опостыло, что он без смеха начал рассказывать о результатах медицинских анализов..; внук участника нашей дискуссии Бориса Вульфовича – под два метра.. «очень высокий».. его все первым делом спрашивают, какой у него рост.. он отвечает, не знаю и добавляет, что его рост колеблется в течение дня.. вот вам и правда..) и никому не нужна полная правда, ибо она – это точно – становится ложью сразу после того, как будет высказана.. не мое это, но это верно..

Боря

**

Включение 42. Н. Мазлумянова – Б. Докторову. Копия – А. Алексеёву, Л. Козловой, Р. Ленчовскому, Н. Мазлумяновой, Д. Шалину

24.09.2011

Так никто же не говорил о раскрытии полной правды (характера респондента), наоборот, собеседники пришли к выводу, что можно лишь очертить поле возможных его проявлений, т.е. типичные и крайние его мнения и поступки, “фигуру” поля, по которому движется стохастически эта частица - конкретные проявления его личности.

От себя могу добавить, что, мне кажется, в основу любого исследования, описания результатов, выводов уже заложено исходное видение ситуации исследователем, его понимание персонажей и ожидаемых результатов. То есть ваша пристрастность в исследовании, о которой вы говорите явно, присутствует у всех, но когда явно, когда неявно. И никаких тут итальянских забастовок.

**

Включение 43. Б. Докторов – Н. Мазлумяновой. Копия - А. Алексеёву, Л. Козловой, Р. Ленчовскому, Д. Шалину

24.09.2011

Я постараюсь сегодня или за пару дней написать об измерении правдивости выступлений кандидатов в президенты от Республиканской партии и утверждений Барака Обамы.. вот-то было бы хорошо, если кто-либо проработал некую методику для анализа (под этим углом зрения) имеющейся у нас биографической информации.. это и будет моим вкладом в дискуссию.. Б.

**

***Включение 44.** А. Алексеев - Б. Докторову, Л. Козловой, Р. Ленчовскому, Н. Мазлумяновой, Д. Шалину*

24.01.2011

Ох, уж эти «детекторы лжи»! Друзья! Если хотим исследовать историю социологии “в лицах” (или “с человеческим лицом”), то “правдивость” (автобиографического нарратива?) - лишь одна из черт этого лица (образа). Есть еще творческий потенциал, жизненный опыт, профессиональный багаж, человеческое обаяние, стиль жизни, то, что называют харизмой, и много чего еще. И если пытаться все это измерять, то “лица” не останется.

Еще раз повторю: то, что делает, например, Борис, - наука на грани искусства. Я бы предпочел, чтобы его описания, а равно - и обобщения, оставались не формализованными. А если и применять к ним потом измерительные процедуры, то пусть это делает кто-то другой.

Андр. Ал.

**

***Включение 45.** Б. Докторов – А. Алексееву. Копия - Л. Козловой, Р. Ленчовскому, Н. Мазлумяновой, Д. Шалину*

25.09.2011

Андрей, я точно не буду заниматься измерением биографий.. но то, что я предполагаю рассказать, может дать (не сразу) новый взгляд на некоторые из обсуждаемых нами тем.. возможно, со временем даст и какой-то метод.. не более.. то, о чем я предполагаю рассказать, возникло в 2008 году и сразу получило Пулитцеровскую премию .. вот сижу, разбираюсь.. Боря

**

***Включение 46.** А. Алексеев - Б. Докторову. Копия - Л. Козловой, Р. Ленчовскому, Н. Мазлумяновой, Д. Шалину*

25.09.2011

Ну, и хорошо. Всех послушав, пусть каждый делает СВОЕ дело. Правда, у Тебя таких дел особенно много. АА.

**

***Включение 47.** Д. Шалин – А. Алексееву, Б. Докторову*

24.09.2011

Андрей, Борис!

Я вывесил статью Бори на нашем сайте

(URL: http://cdclv.unlv.edu/archives/articles/bd_teleskop_11.pdf). (Речь идет о статье "К

семилетию рубрики "Современная история российской социологии". _См. также часть 1 Дискуссии 2 "Биография и биокритика", включение 23а. – А. А.)

До связи, Дима

**

Включение 48. Б. Докторов – Д. Шалину. Копия – А. Алексееву

24.09.2011

Спасибо, пусть висит.. но обычно я не вывешиваю до публикации в Телескопе...
есть договор с Мишей.. Боря

**

ХП. Диалог Д. Шалина и А. Алексеева: новый виток

Включение 49. Д. Шалин - А. Алексееву. Копия - Э. Беляеву, Л. Борусяк, Б. Вульфовичу, А. Готлиб, Е. Григорьевой, Б. Докторову, М. Илле, Л. Козловой, Р. Ленчовскому, Н. Мазлумяновой, О. Маховской, В. Семеновой, Б. Фирсову, Д. Шалину, Ф. Шереги, В. Шляпентоху, В. Ядову, О. Шевченко, И. Ременнику, И. Клюканову, М. Эпштейну

(Настоящее письмо является откликом Д. Шалина на рассылку – в рамках дискуссии 2 «Биография и биокритика» – статьи А. Алексеева “На стыке методологических и этических проблем (Читая Дмитрия Шалина. Продолжение диалога)”; см. выше – включение 32. – А. А.)

25.09.2011

Здравствуй, Андрей.

Спасибо за высокую оценку моих скромных достижений. Мои работы достаточно широко известны в узких кругах интеракционистской социологии, меньше в среде русистов и философов-прагматистов, и совсем мало в социологическом мейнстриме Америки. Но доброе слово, как известно, и кошке приятно.

Действительно, большую часть своей жизни я жил в Америке (родился в 1947, уехал из России в 1975 г.), писать по-русски приходилось мало, но сейчас я активно переосваиваю родной язык – спасибо МБИ Форуму. Вполне возможно, что я потерял чувство реальности, и мои соображения по поводу этических проблем натурального эксперимента поставленного Андреем Алексеевым не актуальны в российском контексте.

Андрей делал доклады по ходу эксперимента социолога-наладчика и, надо полагать, возражений у его коллег не возникало. Эксперимент включенного наблюдателя требовал неразглашения его статуса как социолога (не мог же он сказать товарищам по цеху, что ведет протоколы заводских коллизий и собирается придать их гласности и затем просить участников дать согласие на проведение эксперимента). Я понимаю, как трудно было бы разыскать участников событий описанных в *Драматической социологии* и просить их прокомментировать соответствующие места книги. Насколько я знаю, в России и по сей день нет организации, охраняющей права субъектов социологических исследований, тем более их не было в 80-ых. Так что, претензий лично к Андрею у меня нет. Есть вопросы по существу проблемы.

Несколько замечаний о критике в мой адрес.

Назвать собрание в ИСИ “гражданской казнью” и, правда, перехлест, хотя я его таким ощущал в тот момент. Термин скорее применим к тем, кто оставался в России после подобного собрания, и как я писал Андрею ранее, “тем более нравственным был избранный ими путь”. Что касается существа дела, то процедура собрания была отчасти фарсом, отрепетированным с близкими людьми, частично подлинной (в цветаевском смысле слова) церемонией деградации. Большинство участников этой церемонии, включая партсекретаря института, мне были малоизвестны или совсем незнакомы, и осуждали они меня вполне искренне (о “корыстных” мотивах я судить не брался и не берусь).

Я действительно ошибся с годом рождения Павла Буторина – в 1974 году ему было около 27 лет, и у него оставался еще один год пребывания в комсомоле, а не три, как я писал. Я обратил внимание на эту ошибку еще до публикации, но когда спохватился, статья уже пошла в печать и исправлять ее было поздно.

На момент собрания у меня был месяц до автоматического выбывания из комсомола, но это мало, что меняло. [Я не мог, как полагает Андрей (“[На стыке методологических и этических проблем](#)”), “выбыть из комсомола и автоматически, без мало приятной – как для него, так и для его коллег - процедуры исключения”]. ОВИР требовал характеристику с последнего места постоянной работы и, отложив подачу заявления на несколько месяцев, я все равно бы не избежал публичного остракизма в ИСИ. Эдик Беляев выбыл из комсомола на момент подачи заявления на выезд, тем не менее, на собрании института его клеймили позором по той же схеме.

А я и не заметил, что сноски, где поднимался вопрос о том, как действия социолога-экспериментатора могли отразиться на его семье, не вошла в текст публикации. Не знаю, как это произошло. Меня об этом решении не известили, но может оно так и лучше. В общем виде, вопрос мне представляется законным – какие сферы жизни и события исключаются из автобиографического повествования и почему? Я обратил внимание на то, что Андрей говорит о своей семье и ее реакции на события тех лет, но при этом приводит одни существенные детали и опускает другие. Тем не менее, поднять эту тему было бы тактичнее без указания на конкретные лица.

Моя приблизительная оценка общего числа купюр в *Драматической социологии* на порядок отличалась от реальности. Спасибо Андрею за подсчет и поправку. Не уверен, что это снимает проблему обоснованности изъятий из документов. В каждой ситуации, о которой идет в речь в книге, автор подмечал одни детали и пропускал другие. Из замеченного что-то протоколировалось и что-то оставалось за кадром. Из записей для памяти извлекалось значимое и опускалось менее существенное, не относящееся к делу, деликатное. Здесь не исключена возможность систематической ошибки. Если со временем протоколы жизни Андрея Алексеева станут достоянием гласности, то редакторский процесс можно будет отреверсировать, вычислив его общий вектор. Сложнее дело обстоит с незафреймованной реальностью. Здесь важно опросить других участников событий, почему биокритик и стремиться дать всем участникам событий возможность включиться в реконструкцию реальности. Истину, или точнее истины, как неоднократно отмечалось в ходе нашей дискуссии, следует искать на переселении альтернативных перспектив.

Андрей действительно уделяете много внимания своим критикам, но я имел в виду не суждения о его персоне в советские годы, а готовность дать участникам акций, описанных в книге, шанс ответить на авторскую критику и дать собственную версию событий. Кому то из участников [обычно людям симпатичным] Андрей предоставил такую возможность, кому-то [обычно людям несимпатичным] – нет. Думаю, что во многих случаях у него были на то веские основания, но не во всех. Критерии решения данного вопроса в *Драматической социологии* не обсуждались.

Действительно, социологи-эмигранты могут быть недостаточно критичными в оценке своего выбора и тенденциозны в оценке поведения коллег, оставшихся в России.

Согласен и с тем, что решение стать эмигрантом, диссидентом или остаться академическим ученым в СССР не может быть основанием моральных оценок. Пространства для честного расхождения во мнениях здесь более чем достаточно. Замечу, что в своей полемике с коллегами по эмиграции я не чураюсь обсуждения проблематичных аспектов их и моих взглядов. В спорах с соратниками по МБИ я так же стараюсь не уклоняться от сенситивных проблем. Тут важен такт, чувство меры. Полагаю, что у меня здесь возможны проколы.

Интересно замечание Андрея об ответственности биокритика за публикацию материалов, указывающих на нестыковку сведений в биоинтервью и других свидетельствах и документах. Текст своих интервью я согласовываю с респондентами, которые могут перекроить его по своему усмотрению. Но тут, в самом деле, встает вопрос, как быть с результатами обратного редактирования, если биокритический анализ выявляет рассогласование поведения, слова и эмоций респондента. В случае смерти последнего я ищу людей, хорошо знавших человека и способных предложить альтернативные толкования событий. Живому респонденту я даю возможность ответить на биокритику критикой интерпретатора и автобиоинтервью. Диалогические установки биокритической герменевтики предполагают процесс реконструкции, у которого в принципе нет конца. Процесс этот может продолжаться и в последующих поколениях, у которых под рукой могут оказаться дополнительные материалы и новые системы отсчета – теоретические, методологические, этические.

Ситуация натурального эксперимента и наблюдающего участия иная. Наблюдатель и его объекты находятся в неравных условиях, поскольку у последних не только нет возможности предложить свою версию событий и ответить на критику социолога, но и отсутствует сознание факта, что они вовлечены в эксперимент. У мемуариста есть право распоряжаться своими воспоминаниями по своему усмотрению. Журналисту нужно быть более осторожным, в каких-то случаях сохраняя конфиденциальность источников. К социологу требования жестче, особенно когда он экспериментирует с людьми без их ведома, поскольку он может им повредить, нанести ущерб их репутации. Тут у меня больше вопросов, чем ответов (последнее свойство можно рассматривать как характеристику биокритики), и я согласен, что общими правилами здесь не ограничишься. Но вынести этот вопрос на обсуждение стоит, что я и пытался сделать в своих заметках он нарративной идентичности.

Еще раз спасибо за дружескую критику. Надеюсь на продолжение диалога.
С добрыми чувствами, Дмитрий

(Ответ на это письмо см. ниже, включение 74. - А. А.)

**

ХШ. Б. Фирсов – наблюдатель и участник. О композиции МБИ-форума

Включение 50. Б. Фирсов – Д. Шалину, Б. Докторову, А. Алексееву

25.09.2011

Дорогие Дмитрий, Борис, Андрей,
выполняя обещание, данное Д. Шалину, я посылаю вам свою реплику на дискуссию, охватившую профессорско-преподавательский состав и научных сотрудников Незримого колледжа. Прошу вас распорядиться ею по своему усмотрению.

Ваш Б.Фирсов

**

Включение 51. Б. Докторов – Б. Фирсову. Копия – А. Алексееву, Д. Шалину

25.09.2011

Дорогой БМ, первое, что я хочу сказать, это твой текст и как самостоятельное произведение, и как часть дискуссии очень даже получился. Тебе удалось совместить две позиции: стороннего наблюдателя дискуссии и человека, прекрасно понимающего позиций ее участников. Для меня эта статья – продолжение твоих работ последних лет, в частности – о разномыслии в СССР. В ней опыт анализа собственной жизни, исследований по истории российской социологии, размышлений относительно этики социолога, да и просто немалый жизненный опыт. Так что спасибо тебе...

БМ, если ты не против, то надо просить Андрея разослать текст участникам незримого колледжа, а затем включить его в Протокол. Дима, если у нас сложилась традиция публиковать на нашем сайте не только Протоколы, но и большие по размеру тексты, то хорошо бы разместить и этот текст. БМ, я хотел бы публиковать текст в ближайшем «Телескопе» (№ 6). Потому, пожалуйста, никому его не отдавай...

Андрей и Дима, Протокол № 2 с этим текстом становится очень большим, очевидно, уже нужно его структурировать, вводить названия разделов.. иначе он грозит стать трудно читаемым.. и опять же вопрос: у нас хватило воли завершить Протокол № 1 и вывесить его, может быть статьёй БМ начать Протокол № 3?

Боря

**

Включение 52. Б. Фирсов – Б. Докторову. Копия – А. Алексееву

25.09.2011

Дорогой БЗ,

Было очень приятно прочесть твой отзыв. Не могу не поблагодарить и тебя за то, что так высоко ценишь труд своих коллег и соратников. Буду рад, если мой опус появится в Телескопе и на сайте ИВІ.

С поклоном
Твой БФ

**

Включение 53. А. Алексеев – Б. Докторову, Д. Шалину. Копия – Б. Фирсову

25.09.2011

Дорогой Борис!

Я полностью солидарен с Тобой в оценке текста БМ. Я исправил в нем несколько опечаток и согласовал с Борисом мелкую правку в паре мест. Не сегодня, так завтра утром - разошлю. Думаю, и для “Телескопа” этот текст будет украшением. На сайт желательно помещать уже вычитанный мною материал.

Я тоже за то, чтобы уже вывешивать протокол № 2. Но - обрывать его не перед текстом Б. Ф, а раньше, на странице 57 имеющегося у Тебя кумулятивного файла (после “включения 29”. От 23.08.2011)

Причем считать это не концом дискуссии 2, а концом части 1 дискуссии 2. Ибо тема “Биография и биокритика” далеко не исчерпана, и то, что потом, - тоже на эту, как оказалось, богатую тему.

Плюсы такого решения:

а) Вторая подача Форума - такого же объема, как и первая: 50-60 стр.); б) В первой подаче было 2 относительно крупных материала (Шляпентох и Беляев), и здесь два больших: Шалин (на открытии) и Докторов (близко к концу); в) тогда в 3-м куске (часть 2 дискуссии 2) тоже будет два больших материала (Алексеев и Фирсов). Во втором куске (1-57 стр.) - довольно прозрачная структура: 7 разделов, которые нетрудно поименовать.

Если Вы с Димой одобрите такой план, то я его реализую, завизировав у Вас общий вид и названия разделов и т. п. <...>

Андр. Ал.

**

***Включение 54.** Б. Докторов – А. Алексееву. Копия – Д. Шалину, Б. Фирсову*

25.09.2011

Андрей, Дима, мне кажется, что решение сделать Протокол № 2 (часть 1) – потом Протокол № 2 (часть 2) – консенсусное.. я поддерживаю его.. и не против предложения Андрея «тормознуть» на странице 57..

Конечно, в рамках этики, которая в «нашем садике» постепенно уточняется, надо бы попросить <...> (*имя рек. – А. А.*) подчистить его материал..

Боря

**

***Включение 55.** А. Алексеев – Б. Докторову. Копия – Д. Шалину, Б. Фирсову*

25.09.2011

Вполне вероятно, что будет и часть 3 дискуссии 2. Итак, ждем ответа Димы, после чего действуем. <...> АА.

**

XIV. «Незримый колледж»: новые поступления и расширение круга

***Включение 56.** А. Алексеев - Э. Беляеву, Л. Борусяк, Б. Вульфовичу, А. Готлиб, Е. Григорьевой, Б. Докторову, М. Илле, Л. Козловой, Р. Ленчовскому, Н. Мазлумяновой, О. Маховской, В. Семеновой, Б. Фирсову, Д. Шалину, Ф. Шереги, В. Шляпентоху, В. Ядову, О. Шевченко, И. Ременнику, И. Клюканову, М. Эпштейну,*

Р. Баранцеву, Ю. Беспаловой, О. Божкову, Н. Дадали, Н. Деминой, К. Дивисенко, В. Дмитриевскому, В. Ильину, А. Кетегату, Н. Корневу, К. Пигрову, И. Ронкиной, О. Старовойтовой, Л. Столовичу, О. Тиховской, Г. Тульчинскому, М. Филипповой, И. Флиге, Н. Цветаевой, И. Яковлевой

25.09.2011

(Незримый колледж 2011 09 25 Новые поступления и расширение круга)

Уважаемые коллеги!

А. Для тех, кто еще не знает, сообщаю, что на сайте [“Международная биографическая инициатива”](#) вывешены два крупных материала нашей дискуссии («Биография и биокритика»), ранее рассылавшиеся большинству из вас:

1) Б. Докторов. К семилетию рубрики «Современная история российской социологии» - http://cdclv.unlv.edu/archives/articles/bd_teleskop_11.pdf (см. [часть 1 Дискуссии 2 "Биография и биокритика"](#), включение 23а. – А. А.)

2) А. Алексеев. На стыке методологических и этических проблем (Читая Дмитрия Шалина. Продолжение диалога) - http://cdclv.unlv.edu/archives/articles/aa_ethics_11.pdf (см. [выше](#), включение 32. – А. А.)

Обе эти статьи на днях появятся в: [Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований](#). 2011, № 5.

Первая подводит промежуточный итог многолетнего историко-биографического проекта, осуществляемого Борисом Докторовым, в частности, на страницах названного журнала.

Вторая – является продолжением разговора, начатого Дмитрием Шалиным в своей статье [“В поисках нарративной идентичности: к диалогу Андрея Алексеева и Дмитрия Шалина”](#) (Телескоп, 2011, № 3).

Это уже третий развернутый публичный отклик на названную статью. Из материалов нашего форума вы уже имели случай ознакомиться с материалом В. Шляпентоха [“Можно ли бестрепетно доверять автобиографиям видных людей и даже массовым опросам?”](#) (Телескоп, 2011, № 4) и заметками Э. Беяева [“Замечания по поводу интервью социологов и на статью Шалина”](#), опубликованными на сайте МБИ.

См. также материалы первой нашей дискуссии [“О “незримом колледже” и биографических интервью”](#) на названном сайте.

Б. Сегодня пришло письмо:

«Дорогие Дмитрий, Борис, Андрей,
Выполняя обещание, данное Д. Шалину, я посылаю вам свою реплику на дискуссию, охватившую профессорско-преподавательский состав и научных сотрудников Незримого колледжа. Прошу вас распорядиться ею по своему усмотрению.
Ваш Б.Фирсов»

Что ж, распоряжаюсь «по своему усмотрению»: см. текст статьи Бориса Фирсова [“История социологии “в лицах”: биография и/или биокритика”](#) в Приложении ([подкрепкой](#)). (См. [ниже](#) – включение 58. – А. А.)

В. Напомню: в последнем номере «Телескопа» (№ 4) появилось биографическое интервью одного из наших дискуссионщиков – Ларисы Козловой: **«Мы были маргиналами, только следующее поколение получило профессию “социолог”»**. Жаль, что его пока нет на сайте МБИ. (Дима, пожалуйста, восполните этот пробел; текст можно взять у Бориса или у Миши Илле; я бы и сам разослал, да, боюсь, располагаю не финальной версией).

Вот, у мастера биографического метода тоже есть свой биографический нарратив. ...Перелистывая архив, нашел свое письмо к Борису Докторову от 4.07.2011:

«...Поздравляю Тебя с Респондентом, для которого наука в себе заведомо важнее себя в науке. Размышления Ларисы Козловой о путях российской социологии по-настоящему глубоки. Кстати, она хорошо объяснила, что и концепцию "второго рождения" социологии в России на рубеже 50-60-х гг. не следует абсолютизировать, равно как и любые другие "возрожденческие" или "преемственностные" трактовки ее (социологии) развития.

Еще мне очень понравилась Лариса в роли со-умышленника и "доверенного лица" Геннадия Батыгина. Она проговорила и то, что он сам о себе сказать, может быть, не успел; а в реальной жизненной и профессиональной практике талантливый человек всегда богаче и шире отдельных своих методологических и / или мировоззренческих заявлений. Вот и из сказанного Ларисой о покойном супруге это явствует».

Г. Чтобы закончить «справочную часть». Позавчера на [сайте Фонда “Общественное мнение”](#) появилась полная электронная версия вышедшей в этом году и наверняка известной большинству наших коллег книги [“Явление Барака Обамы. Социологические наблюдения”](#)

Еще раз – поздравим Бориса! (Кстати, тоже своего рода биография – социологически изученная история восхождения героя на мировой политический Олимп).

Д. Возможно, не все знают, что у истории социологии «с человеческим лицом» есть и еще одна виртуальная площадка: [сайт Центра социального прогнозирования и маркетинга](#)

Особенно см. там рубрику [“Актуально”](#). Ниже – вложения в нее только одного, 2011 года. Среди прочего, беседы корреспондента радио «Свобода» Вероники Бодэ с Б. Докторовым, посвященные памяти выдающихся российских социологов. (Есть и аудиозапись, и текст):

21.06.2011

[Интервью Радио «Свобода». Памяти социолога Игоря Кона](#)

25.05.2011

[Интервью радио «Свобода»: Памяти социолога Геннадия Батыгина](#)

12.05.2011

[Интервью радио «Свобода»: Социолог Владимир Шляпентох – о «феодалной Америке»](#)

28.03.2011

[Интервью радио «Свобода»: Владимир Шубкин - один из основоположников российской социологии](#)

21.01.2011

[Интервью радио «Свобода»: Социолог Борис Докторов – о книге «Явление Барака Обамы»](#)

19.08.2011

[Социолог Валерий Голофаст: "Мне нужна интеллектуальная свобода внутри и вовне"](#)

Е. Тем временем, продолжают наши «дискуссионные будни». Д. Шалин написал мне:

«...Наташа Мазлумянова и я возобновили [наш давний диалог](#), но тут же спохватились, что и другим может быть интересно. Прикладываю к сему посланию наш недавний обмен мнениями.

Андрей, это не к спеху, но когда появится возможность, пожалуйста, подшейте этот материал к делу и оповестите о нем всех участников МБИ форума.

Всего хорошего, Дмитрий

За «возможностью» не надо далеко ходить. Вот этот диалог (*см. выше – раздел X. – А. А.*). Очень даже по теме **«Биография и биокритика»**. См. ниже.

Ж. И еще. Все наши диспутанты (диспутанты) вчера получили копию письма Дмитрия Шалина, адресованного мне, в ответ на мою статью [“На стыке методологических и этических проблем...”](#) (см. выше - включение 49).

Дима! Благодарю Вас за этот оперативный содержательный отклик. Я отвечу на Ваше письмо - чуть позже.

Могу предположить, что не всем нашим адресатам равно интересны наши диалоги. Кто – «в игре», кто – «на скамейке запасных», а кто пока что «болельщик». Но игра продолжается.

Ваш протоколист – Андрей Алексеев. СПб (Восточное полушарие).

25.09.2011.

Р. S. Кстати, сообразил, что в этом послании содержатся сетевые ссылки практически на все материалы нашего Форума (МБИ-форума) **«Биографика, социология и история»**. Поскольку наш пока неписанный «устав» (а, может лучше его и не писать?!) разрешает инициативно расширять круг адресатов, воспользуюсь и я такой возможностью. В частности, за счет персон, так или иначе занимающихся биографическими и / или генеалогическими исследованиями, проблематикой социальной памяти, этосом науки, другими смежными сюжетами.

Поэтому к нашему уже привычному кругу:

Андрей Алексеев, Эдуард Беляев, Борусяк Любовь, Борис Вульфович, Анна Готлиб, Елена Григорьева, Борис Докторов, Михаил Илле, Лариса Козлова, Роман Ленчовский, Наталия Мазлумянова, Ольга Маховская, Виктория Семенова, Борис Фирсов, Дмитрий Шалин, Франц Шереги, Владимир Шляпентох, Владимир Ядов, Ольга Шевченко, Лариса Ременник, Игорь Клюканов, Михаил Эпштейн

- присоединяю еще потенциально релевантный круг из числа тех, чьи адреса знаю. Двери нашего «незримого колледжа» принципиально открыты. И сетевое профессиональное сообщество пусть расширяется – за счет новых и новых соумышленников и соучастников.

Рэм Баранцев, Юлия Беспалова, Олег Божков, Наталия Дадали, Наталия Демина, Константин Дивисенко, Виталий Дмитриевский, Владимир Ильин, Анри Кетегат, Николай Корнев, Константин Пигров, Ирина Ронкина, Ольга Старовойтова, Леонид Столович, Ольга Тиховская, Григорий Тульчинский, Маргарита Филиппова, Ирина Флиге, Нина Цветаева, Ирина Яковлева.

Единственная просьба к каждому из приглашенных «к нашему столу» – подтвердить по адресу Андрей Алексеев <alexeev34@yandex.ru>, свое согласие на получение этой информации. (Чтобы не возникло «демяновой ухи»...). А если у кого появится желание сказать и свое слово – будем вдвойне рады.

Приходите и приводите с собой. Заявки на дальнейшее расширение круга «Невидимого колледжа» принимаются и немедленно удовлетворяются. АА.

Приложение: *Диалог Д. Шалина и Н. Мазлумяновой (см. выше – раздел X. - А. А.)*

**

Включение 57. Б. Докторов – А. Алексееву

25.09.2011

Спасибо.. я многое о себе узнал..

Днями (завтра?) будет перед книгой про Обаму размещена подборка реакций на нее.. вот только что подготовил.. (приложил.. у тебя все как-то начинает играть)..

Действительно, я не успеваю отсылать Диме мои pieces.. я еще не опубликовал у него интервью с Ларисой, небольшую беседу с Божковым, по-моему, текст о Галине Саганенко (СЖ).. не помню про «6000 дней другой жизни» (отдал в СЖ с Ларисиним и твоим поздравлениями).. что-то было еще.. Боря

*

Приложение

... Тысячи людей хотят понять Америку, и именно для них ты написал свою звездную книгу. Я пока прочел совсем мало, но благородный человеческий тон книги угадал, одолев первую сотню страниц. Это книга не про Обаму, а про страну, где появление Обамы - закономерность ее стремительного развития.

Борис Фирсов,
доктор философских наук, профессор,
Почетный ректор Европейского университета в Санкт-Петербурге

Большое Вам спасибо за Вашу потрясающе интересную книгу "Явление Барака Обамы". Она действительно - ЯВЛЕНИЕ в мире научной литературы. Пишу это без преувеличения. Мне повезло. Я купила её в пятницу и, начав читать, отложила все дела, запланированные на субботу - воскресенье. Читала, пока не закончила. Это титанический труд ежедневного мониторинга в течение года, захватывающее развитие событий, великолепное объяснение сложной и запутанной избирательной системы США. И только когда я прошла с Вами и участниками президентской избирательной кампании день за днём, шаг за шагом, в голове у меня сложилась стройная система выборов и я получила ответы на все интересующие меня вопросы. Читать Вас легко и интересно.

Елена Лебедева,
Башкирская академия государственной службы и управления
при президенте Республики Башкортостан (*Уфа*)

...Я закончил (читать) книгу - не каждую страницу, но крупные разделы во всей их полноте. Это значительное достижение, молодец! Меня более всего интересовало, будешь ли ты и как использовать в своей книге данные онлайн-опросов. В прошлом их надежность была сомнительной из-за самоотбора респондентов. И вскоре я обнаружил, что ты используешь не только данные обычных опросов, но и результаты онлайн-схем. Я приветствую такой взвешенный и осторожный подход.

Твой анализ – это образец вдумчивой и убедительной аргументации. С учетом того, что ты родился не в Америке, твое понимание американской жизни и политики есть не что иное как чудо. Я даже не могу понять, сколько часов было отдано тобою поиску и работе с различными источниками информации.

Проведенный мониторинг – уникальный в моей научной практике.

Стивен Грант,
историк и политолог, США

Применительно к нашим реалиям я пока не усматриваю «продажной цены» твоих изысканий, в отличие от цены академической. Чтобы реально воспользоваться описываемыми технологиями (назову ДТМПВ – ДокТоровская Методология Прогнозирования итогов Выборов), нужна американская практика организации предвыборной кампании (дебаты, онлайн-массовые опросы...), каковой у нас нет и пока не предвидится. Я думаю, однако, что само появление твоей книги может послужить каплей, наполняющей ручей в сторону лучшего будущего России.

Я думаю, что ты свершил большое дело: обозначил направление будущего в исследованиях мнений...

Владимир Ядов,
доктор философских наук, профессор,
руководитель Центра теории и историко-социологических исследований ИС РАН, главный редактор «Социологического журнала» (*Москва*)

Прочитал Вашу книгу. Неотрывно, правда, не последовательно, а в соответствии со своим интересом: сначала – Глава 4, потом 6-9, потом 1-3 и 5, а потом уже до конца.

Прежде всего должен сказать, что это уникальный труд и по объему, и по углу зрения (рассмотрения проблем), и по подробности изложения... В Вашей книге, кроме просто интересных подробностей кампании 2008 года и анализа результатов опросов, я нашел ответы на некоторые вопросы относительно американской общественной жизни.

Владимир Звоновский,

кандидат социологических наук, президент «Фонда социальных исследований» (Самара)

**

XV. Респондент прав не только тогда, когда он говорит, но и тогда, когда он молчит

Включение 58. (Разослано всем участникам дискуссии 25.09.2011. – А. А.)

http://cdclv.unlv.edu/archives/articles/firsov_bh_response_11.pdf

Б. Фирсов,
Европейский университет
в Санкт-Петербурге

История социологии «в лицах»: биография и/или биокритика

Обстоятельства жизни и труда помешали мне проявить активность, сопоставимую с активностью действительных членов незримого колледжа⁵⁴. Но оказавшись аутсайдером поневоле, я все же попытаюсь внести лепту в обсуждение проблем, занимающих их умы.

Часть первая - биография

Дискуссия, начатая в журнале «Телескоп» и на сайте «Международная биографическая инициатива» Д. Шалиным, Б. Докторовым и А. Алексеевым⁵⁵ охватывает два аспекта биографики или биографических (социобиографических) исследований. Одно из них – биография как таковая, с опорой на широкий круг источников: автобиографические интервью и повествования, семейные хроники, личная переписка, материалы народной генеалогии и другие личные документы. В процесс порождения этих

⁵⁴ Появлением этого колледжа мы обязаны исторической рубрике на страницах петербургского журнала «Телескоп» (40 выпусков подряд в течение последних лет!) и сайту «Международная биографическая инициатива» в рамках Центра демократической культуры Университета Невады (<http://cdclv.unlv.edu/programs/bios.html>). На этой основе и образовалась эффективная международная (Россия, США, Украина) сеть социологов-профессионалов, которые с энтузиазмом разрабатывают методологию изучения биографий и методы использования биографической информации в историко-социологических исследованиях, а также отчаянно спорят об общих и частных проблемах путей развития этих исследований.

⁵⁵ Алексеев А. [30 лет "в строю" \(Мое членство в КПСС\)](#) // Телескоп, 2011, N3. С 7-12; Шалин Д. [В поисках нарративной идентичности. К диалогу Андрея Алексеева с Дмитрием Шалиным](#) // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. № 3, 2011, с. 13-23; О «незримом колледже» и биографических интервью. Протокол дискуссии № 1 - на сайте проекта ИВИ http://cdclv.unlv.edu/archives/Comments/collegeinvisible_11.html.

текстов включилась современная техника. Фильм из 15 серий «Подстрочник» - жизнь Лилианы Лунгиной, рассказанная ею перед камерой – стал национальным событием. Чтения памяти В.В. Иофе (их организует НИЦ «Мемориал» в Санкт-Петербурге) имеют своей целью восстановить в нашем сознании поправное право на имя и биографию, которого были лишены жертвы сталинского террора.

Биографика поддерживает, в частности, усилия отечественных социологов, направленные на то, чтобы воссоздать историю советской социологии и тем вернуть ее в коллективную память профессионального сообщества. Ее возможности ярко раскрылись в «штудиях» последнего десятилетия минувшего века, «Песнь песней» Г. Батыгина - книга, посвященная социологии 1960-х годов, остается исторической энциклопедией нашей дисциплины⁵⁶. Еще один пик развития биографики в истории отечественной социологии пришелся на вторую половину «нулевых» лет нового столетия. Парадоксально, но выдающуюся роль здесь сыграло «дальнее зарубежье» в лице Бориса Докторова и Дмитрия Шалина. Запал, с которым ведется наша дискуссия, дает основания надеяться, что «еще не вечер», и потому мы вправе ожидать новых победных известий с биографического фронта.

Так уж получилось, что в дискуссии, начатой А.Алексеевым, Д.Шалиным и Б.Докторовым, ее участники не столько разгребают толщи добытого социологами знания, сколько анализируют человеческие качества разных поколений социологического сообщества сквозь призмы судеб и биографий ученых. Первоочередное внимание к социологам советской поры здесь представляется вполне закономерным. Многие из них представляют «уходящую натуру». Интерес к «непознанному прошлому» говорит о стремлении восстановить утраченную, было, связь времен и тем сохранить преемственность как важнейшую предпосылку нормального развития нашей дисциплины.

Не забудем, что возрождение социологии в послесталинское время происходило с чистого листа. Сначала были взяты на вооружение западные методы, но лишь гораздо позже вспомнили про русскую социологию и ее богатое наследие, оставленное нашими предшественниками. В итоге, важнейший культурный ресурс был принят на вооружение с отставанием, после археологических раскопок курганов российской общественной мысли. Запрет, который партия в конце 1920-х гг. наложила на социологию, имел своим следствием свертывание профессионального образования, прекращение выпуска социологической литературы и рост амнезии коллективной памяти социологического сообщества. Мощный бионарративный поток, свидетелями и участниками которого мы все являемся, - явление в высшей степени положительное. Но наладить его удалось с большим трудом. На это ушли годы...

Ныне часть профессиональных социологов, вовлеченных в процесс рефлексии истории нашей науки, выступает в роли респондентов, другая, по преимуществу, выступает в роли интервьюеров, критиков и экспертов. Я признаю складывающееся разделение труда как некоторую данность. В конце концов – *Jedem das Seine!* Но среди насущных забот моих коллег, связанных с развитием современного «биографирования» (выражение Л. Козловой), я, следом за Шалиным, подчеркну необходимость и неотложность формирования консенсуса по поводу этической стороны дела. Для биокритика здесь важна установка Вольтера: «К живым следует относиться

⁵⁶ Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах / Отв. ред и авт. предисл. Г.С. Батыгин; ред. сост. С.Ф. Яромлюк. – СПб.: Русский христианский гуманитарный институт, 1999.

доброжелательно, о мертвых же нужно говорить только правду»⁵⁷. Этой цитатой Шалин-дискутант подчеркивает, что история социологии «в лицах», которую мы стремимся создать и транслировать во времени, связана с решением не только методологических проблем, но и проблем этического свойства, которые имеют определенную власть над мемуаристикой, биографикой, биокритикой.

Этика биографирования должна исходить из примата прав респондента перед правами интервьюера (исследователя). Присоединюсь здесь к тому, что по этому поводу написал А.Алексеев, а я рискнул назвать «императивом Алексеева»: «Интервьюер имеет право на собственную точку зрения, которую может не скрывать (иначе это будет не беседа, а протоколирование). Но, в конечном счете, субъект биографии – хозяин своего жизнеописания и жизнеосмысления, равно как и мировосприятия»⁵⁸.

Информант, пишет Л. Козлова, как бы принимая эстафету из рук А.Алексеева, придает своему рассказу такие форму и содержание, какие смог, какие посчитал нужным выбрать, предпочесть, используя свой интеллект, волю, характер, эмоции. «А потому социолог, считаясь с этим, не вправе как-либо влиять на волеизъявление человека при получении биографического материала, не вправе направлять или корректировать его, стремясь получить желаемые смыслы и руководствуясь своими задачами»⁵⁹ Презумпция правоты респондента особенно важна в ситуации, когда отсутствует консенсус профессионального сообщества по поводу соответствующих правил научной этики.

Позицию Б. Докторова (респондент имеет право выстраивать свой образ без помех со стороны интервьюера) я разделяю полностью. Более того, я вижу, что эта позиция предопределила высокое научное качество докторских интервью, обеспечила безупречную репутацию в глазах как десятков его респондентов, так и во мнении всего профессионального сообщества. Б. Докторов универсально гибкий человек, тонко чувствующий необходимость компромиссов и меру дозволенного самому себе в диалоге, понимающий психологию своего собеседника. Мне импонирует девиз человекоцентричного научного творчества Б. Докторова: «Я хочу, чтобы мои герои подали себя с лучшей стороны»⁶⁰ В сущности следование этой формуле сделало его историком- биографом нашей науки номер один .

«Не судите, да не судимы будете!». Эти слова пришли мне в голову, перед явлю изобилия биографических материалов и естественной потребностью коллег оценить их качество. Мне показалось, что при интерпретации истории нашей науки «в лицах», стремление понять жизнь информантов иногда сопровождается попытками внешних экспертов перекодировать эту жизнь по-своему, измерить ее собственным аршином, дополнить, если не заменить, экзистенциальную логику нарратива конструированием образа того или иного респондента, переходами на личность, что в общем случае сомнительно.

Покажу это на примере такой темы как принадлежность к КПСС, которая, кстати сказать, долгое время не включалась в картины нашего коллективного прошлого. Тема

⁵⁷ Шалин Д. В поисках нарративной идентичности: К диалогу Андрея Алексеева и Дмитрия Шалина // Телескоп, 2011, № 3, с. 21.

⁵⁸ «О «Незримом колледже и биографических интервью» http://cdclv.unlv.edu/archives/Comments/collegeinvisible_11.html

⁵⁹ О «Незримом колледже» и биографических интервью http://cdclv.unlv.edu/archives/Comments/collegeinvisible_11.html.

⁶⁰ Цит. по: Шалин Д. В поисках нарративной идентичности... // Телескоп, № 3, 2011, с.:20.

часто имеет латентный и многозначительный заголовок: «Человек меняет кожу». Социолога, вышедшего из партии, сравнивают со святым Августином, который нашел в себе силы сбросить оковы манихейства и встал на путь нравственного очищения от ереси. С другой стороны, мотив прозрения (что на самом деле, имело место) кому-то, кто не жил в то время, кажется далеко не единственным. Где гарантия, что это не очередное проявление мимикрии, равно как и других черт типичной советской наследственности? Ведь последняя, хотя и подвергалась мутациям, но продолжает сохраняться «в культуре приемлемых ролевых сценариев», а то и в форме «легенд» (по примеру разведчиков-резидентов в зарубежных странах), которые нужны лишь для того, чтобы «мутирующий» член КПСС имел возможность своими ответами поставить дымовую завесу и тем замаскировать от интервьюера свой истинный внутренний мир, свою истинную сущность. Одним словом, «не раскрылся» он перед сообществом (читателями), потому растерянно произносит: «я верил», «виноват, лукавый попутал», не в силах (или, не желая) дать внятные объяснения своим современникам. Хорошо зная многих респондентов, представителей первых поколений советской социологии, чьи интервью стали общедоступными благодаря сайту ИВИ («Международная биографическая инициатива»), «Социологическому журналу», «Телескопу» и другим источникам и изданиям, я могу утверждать, что у них не было нужды прибегать к намеренным искажениям собственного жизненного пути.

К моему пребыванию в партии (1951-1991 гг.) я отношусь как к факту собственной биографии и потому никогда не пытался ретушировать, а тем более, маскировать его. Об этом я подробно написал в книге «Разномыслие в СССР». Потому всех желающих видеть меня «в партийных одеждах» я адресую к этому сочинению⁶¹. Скажу здесь, вступая в дискуссию, что я не испытываю чувства неловкости и стеснения от того, что занимал партийные должности и демонстрировал высокий уровень общественной отзывчивости. Усвоенные с детства, благодаря родителям, нравственные правила человеческого общежития помогали мне «не оступаться» во многосложных отношениях с окружавшими меня людьми. Те же правила побудили меня на определенном витке жизни поставить перед собой вопрос, каким целям я служу, нося в кармане партийный билет. Членство в партии всегда было результатом моего сознательного выбора, и я несу ответственность за него перед самим собой. Даже в нынешний век самодельного политического плюрализма и плохонькой демократии с трудом могу представить себе другую «инстанцию» для суда над собой, чем та, которую я назвал. Потому, кстати сказать, всегда считал атавистическими, не гуманными, нелегитимными проявлениями бесправия требования «раскрыться перед партией», которые часто звучали на партийных собраниях и заседаниях партийных бюро при обсуждении персональных дел коммунистов.

Лакуны исторических сведений (повторюсь, я имею в виду прошлое отечественной социологии), о которых думают и пишут многие участники дискуссии, дело естественное и я бы особенно не печалился по данному поводу. Нужна очень высокая степень доверия к исследователю (интервьюеру) со стороны респондента, чтобы он, к примеру, заговорил о действительных мотивах эмиграции в годы советского режима. Решения о выезде принимались не только отъезжающим социологом, но и его семьей. Насколько я знаю, это были нелегкие, непростые решения, подчас требовавшие личного мужества, воли, целеустремленности, и готовности вступать в битву с Голиафом (в лице советской системы) и преодолевать разного рода барьеры-капканы, изощренно расставленные властью и ее многоликими «органами». Человечески подходуя, надо понимать, людей. Им просто трудно и неприятно вспоминать попытки бесправия и унижения, которым они подвергались при выездах за рубеж на постоянное местожительство. Строго говоря, здесь

⁶¹ Разномыслие в СССР. 1940-е – 1960-е годы. История, теория и практики. СПб.: Изд-во Европейского университета в Петербурге, 2008, с. 421-428.

нет тайн, над разгадкой которых следовало бы думать. Здесь не нужны признания, облегчающие душевные страдания эмигрантов-ученых. Здесь собственно профессиональные факторы могли иметь относительно малый удельный вес в сравнении с общим мироощущением простого или вовсе не простого, без разницы, советского человека, решившегося встать на эмигрантскую тропу.

Понять мотивы и причины отъезда можно и без особых герменевтических процедур, поскольку едва ли не все ответы на загадки личности, покидающей свою родину, укоренены в общественных условиях жизни страны в тот момент. Как писала молодая женщина, 25 лет от роду, уже сегодня решившаяся на этот шаг и опубликовавшая свой манифест в Интернете, она, предвидевшая, что ей будут возражать, говорить, что не все так страшно, что надо сражаться за свое счастье, за светлое будущее, заранее продумала свой ответ. Приведу лишь те ее мысли, которые она захотела выделить как квинтэссенцию своих настроений: «Я не хочу светлое будущее, я хочу спокойное настоящее... Хочу делать хорошо и качественно то, что умею, потому что мне, как кажется, именно такой принцип должен быть основополагающим любого государства. Но я хорошо выполняю свою [работу], не ворую, не беру взятки, уважительно отношусь к окружающим людям... Повторяю, я не имею желаний, ни физической возможности для того, чтобы бегать по площадям с флагом в зубах, устраивать стычки и драться с полицией. Я просто хочу спокойной жизни. Но я не хочу терпеть... Почему все время надо терпеть? Ради могил предков? Так их память у меня в сердце, а не в земле. Ради березок? Березы растут практически повсюду. Ради родного города? Да, это аргумент, однако мой город (Петербург) уже много лет на разграблении у осатанелой шайки чиновников... Естественно, я не мозг, который утекает. Я обычный человек, который хочет обычной жизни. В чем тут предательство-то?»⁶²

Возьму на себя смелость сказать, что в таком же экзистенциальном ключе думали и рассуждали социологи, кого наша память числила все эти годы под именем эмигрантов. Разве что синдром причин был иным, чем сейчас. Установить их первоначальный контур – дело, зависящее от специалистов по советской истории.

Нет особой завесы над тем, как воспринимались отъезды теми, кто оставался на своей исторической Родине. Реакции «провожающих» были разными: в диапазоне от сочувствия, поддержки, осознания невозможной утраты до обвинений в измене и проклятий. Д. Шалин обозначил этот спектр, освежив в нашей памяти впечатления советских лет. Биографии не скажут того, что в одночасье можно было бы обнаружить в архивах ОВИР'а (если документы, на основе которых «выпускали» за рубеж, не уничтожили в период перехода от несвободы к свободе). Искомая нами истина «притаилась» в выездных делах. К ним должно быть привлечено внимание социологов-следопытов. Автобиографические повествования, при всем моем почтительном отношении к ним, здесь мало что дадут, за исключением сюжетов-«вспышек», которые даже case-study не назовешь. Говоря о себе в том времени, скажу, что в коллективных обсуждениях отъезжавших, мне принимать участие не приходилось. С «грешными мыслями» двух коллег, обратившимся ко мне за советом, в трудную для них минуту выбора судьбы, я согласился без внутренней борьбы с самим собой. Было это в перестроечную пору.

Я отчетливо осознаю, что, отвечая на вопросы о партийности социологов или об их «несвоевременных мыслях», связанных с эмиграцией, те или иные респонденты могли не

⁶² Девять причин, по которым я уезжаю из России
http://www.gazeta.ru/realty/2011/08/17/17_e_3735725.shtml.

оправдать ожиданий интервьюера, как известных участникам диалога, так и оставленных интервьюером «при себе». Выход из такой ситуации я вижу один – продолжать поиск истины, пытаясь ее обнаружить в ответах других людей. Сооружать сети словесных уловок и ловить респондентов на «смещениях акцентов», пытаясь загнать их в капкан исследовательского замысла – значило бы грубо нарушать научную этику. К формуле Олега Божкова [«Социолог не следователь, его задачей не может и не должно стать уличение (изобличение) информанта в искажении фактов, в сознательном или бессознательном обмане (а биографические данные чаще всего искажаются именно бессознательно)⁶³] я бы мог добавить вполне современное расширение. Социолог не хакер, чтобы пользуясь современными технологиями сбора первичной информации, взламывать сознание респондента. Его целью не может быть извлечение биофактов, которые респондент не счел нужным предать гласности. Социолог – не духовник, чтобы расспрашивать респондента-прихожанина на исповеди, заставляя его каяться в грехах, отпуская их перед святым причастием. Не забудем, что исповедь является таинством, тщательно оберегаемым канонами конфессии от чужого взгляда. С другой стороны, возможность выражения душевных убеждений и признаний не противопоказана интервью как одному из жанров общения между людьми. Но я бы не рискнул возводить такие случаи в норму или в канон. Удача, как известно, сопутствует не всем. Здесь многое зависит от внутренней расположенности респондента предавать гласности, публичности свои помыслы. Имеет значение образ интервьюера в глазах респондента. Напомню русскую поговорку, при помощи которой В. Даль объяснял значение исповеди в человеческом общении и языке: «К сонному попу на исповедь не ходят»⁶⁴. Было бы трюизмом повторять вслед за Олегом Божковым, что для бионарративных практик по-прежнему остается наиболее актуальной постановка вопроса о соотношении событий индивидуальной жизни с событиями историческими или с жизнью социума, а не копание в душе биографанта.

Часть вторая: биокритика

Дискуссии в журнале «Телескоп» и на сайте МБИ дает основания говорить, что в недрах биографики сложилось еще одно направление анализа широко понимаемых биографических материалов, названное ее автором (Д.Шалиным) **биокритической герменевтикой**⁶⁵. Д. Шалин в своих обоснованиях «биокритики» предлагает построить ее путем обращения и использования ресурсов культуры и теории. В основе его подхода лежит предложение расширить феноменологию явлений, к которым традиционно обращается биографика. Ибо цель биокритической герменевтики – практическая реконструкция объективной реальности путем непрерывной триангуляции, сопряжения как дискурсивных, так и аффективно-соматических и деятельностно-воплощенных форм. Д. Шалин апеллирует при этом к античным биографам, которые, составляя жизнеописания своих современников, исходили из структурного представления о человеческом существовании, деля его на *vita activa*, *vita contemplativa* *vita voluptosa*, соответственно поведение и деятельность, духовная жизнь и мир эмоций, страстей, плотских вожделений. Обращение к этим идеям расширяет исследовательское поле, границы которого теперь могут оказаться в непосредственной близости к зонам экзистенциального существования человека, табуированным нормами и правилами не только древней, но и современной культуры, куда «посторонним вход воспрещен». И все-

⁶³ Цит по: Шалин Д. В поисках нарративной идентичности... // Телескоп, № 3, 2011, с. 21.

⁶⁴ Даль В. Толковый словарь живого русского языка. Том второй. – М.: Русский язык, 1989. С.54.

⁶⁵ См.: http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/articles/shalin/bh_theses.html, а также; Алексеев А.Н., Ленчовский Р.И. Профессия – социолог (Из опыта драматической социологии: события в СИ РАН 2008/2009 и не только. Документы, наблюдения, рефлексии. Т. 2. – СПб.: Норма, 2010, с. 414-420.

таки, и в этом состоит пафос его утверждений, если наши настроения (здесь Д. Шалин имеет в виду, прежде всего, эмоциональные деформации человека - нетерпимость, чванство, жестокость и насилие) во многом определяют наше историческое бытие, то перестройка общества, его изменение к лучшему возможны только в одном случае. Это – «одновременная трансформация эмоциональных, деятельностных и дискурсивных практик людей данной эпохи», направленная на становление эмоционально-интеллигентной демократии⁶⁶. Разум должен взаимодействовать с аффектом, обуздывая и побеждая его. Отсюда и установка на то, чтобы сквозь «оптику» биокритической герменевтики, увидеть и понять многослойные и многомерные переживания жизни человеком.

Сам максималист по своему характеру, я не могу препятствовать тому, как Шалин ищет и находит новые духоподъемные задачи для социологического поиска. По этой причине я не стану критиковать «громადье» его планов и предложенную им программу развития новых идей. В одном из своих комментариев к теме биокритики он тонко подметил, что люди не обязательно располагаются по силовым линиям социального поля (подобно железным опилкам в опытах-демонстрациях земного магнетизма). Этой фразой обозначается витальная потребность социологии прирастать знанием, полученным из резервов других научных дисциплин, потеснить упрямый, самодостаточный и самовлюбленный социологизм, лишив его почвы, в которой он длительное время прорастал и порой давал «неплохие урожаи».

Свидетельством такого рода перемен я считаю историко-биографический поворот, который осуществляет наша дисциплина. Любая история (история советской социологии здесь не составит исключения), подобно окружающему нас миру, является плодом нашего воображения. «Это не значит, что ничего из того, что рассказывают историки, не происходило в действительности. Это значит, что происходившее в действительности становится историей лишь в той мере, в какой попадает в область разума и преобразуется в ней. Разум определенным образом полагает эмпирическую действительность, превращая ее в собственное произведение – историю»⁶⁷.

Эволюция историков в сторону признания собой роли субъективности социального исследователя имеет важное общенаучное значение. В этом случае объекты научного познания являются ничем иным как конструктами сознания познающего субъекта. «Исторические факты, как и факты физические, мы воспринимаем сквозь призму форм нашего разума»⁶⁸ - писал один из создателей школы анналов, французский историк Люсьен Февр, который внес заметный вклад в имплантацию конструктивистской идеи в историографию.

Правда «конструктивистская гипотеза» имеет несколько версий⁶⁹. Позитивистскую версию отличает жесткая дихотомия, разделение познающего субъекта и объекта познания. История здесь понимается как продукт сознания историка, который только и может, при соблюдении определенных условий, приблизиться к истине. Постмодернистская версия настаивает на том, что мир дан нам только в языке и благодаря языку и потому наши представления об истории являются результатами действия «лингвистических протоколов», с помощью которых происходит порождение исторических текстов. Наконец, герменевтическая версия отталкивается от того, что

⁶⁶ Цит. по: Алексеев А.Н., Ленчовский Р.И. Профессия – социолог, Т. 2, с. 417.

⁶⁷ Копосов Н.Е. Как думают историки. – М.: НЛЮ, 2001. с.8

⁶⁸ Цит. по: Копосов Н.Е. Как думают историки. – М.: НЛЮ, 2001. с.9-10.

⁶⁹ См: Копосов Н.Е, указ. соч., с.218-219.

история является результатом действий людей, наделенных сознанием, и потому воспроизводит формы их сознания. В таком случае целью исторического исследования является *понять* сознание действующих в истории людей. Аналогичную цель преследует социолог-био критик, когда он ориентируется на изучение прошлого, «того, что было на самом деле».

Однако переход социолога под знамена герменевтики, даже если понимать ее в общеупотребительных смыслах, является далеко не простым делом (сужу об этом по себе и никому не навязываю своих ощущений). Приведу эти смыслы для того, чтобы облегчить выбор «единственно правильного» (совсем как на ЕГЭ!). Канонические определения рассматривают герменевтику как традицию и способы толкования многозначных и не поддающихся уточнению текстов (большой частью древних), как учение о понимании (наделенном статусом духовно-душевного переживания), являющемся основой гуманитарных наук (в отличие от объяснения в естественных науках). Она же, герменевтика, является учением о восстановлении первоначального смысла, искусством и теорией истолкования текстов, восходящим к античности в первоначальном значении слова, или учением о понимании смысла высказывания другой индивидуальности (учением о познании личности говорящего и ею познанного).

Неоднозначно (как я понял, проведя много времени в Интернете) толкуют герменевтику и научные авторитеты, на чьи мнения ориентируются социологи с «догерменевтическим» опытом познания явлений природы и общества⁷⁰. По мнению Ю. Хабермаса, герменевтика как критика идеологии должна раскрыть на основе языка средства господства и социальной власти, служащие оправданию отношений организованного насилия. По Г. Гадамеру, герменевтика приобретает функции онтологии, поскольку бытие, которое может быть понято, есть язык социальной философии, а понимание есть форма общественной жизни и критики идеологии. Ближе к миссии и задачам биокритики оказался В. Дильтей. Для него герменевтика является не больше и не меньше, как «интерпретацией сохранившихся в тексте остатков человеческой жизни». Но он довел ее значение до метода общественных наук, призванного обеспечить понимание общественных событий, исходя из субъективных намерений исторических деятелей. В последнем случае макроподход В. Дильтея в полной мере согласуется с более скромными целями биокритики, изучающей историю нашей дисциплины. Мы действительно обнаруживаем в текстах биоинтервью лишь «микрочастицы», срезы, части, элементы жизненного процесса, как бы заранее соглашаясь с теми ограничениями, которые а priori включает в себе принятый на вооружение метод.

Впрочем, не стану сбиваться на пессимистическую ноту. Благодаря биографированию нам удалось восстановить многие страницы советского прошлого нашей дисциплины. Первые опыты биокритики оказались весьма успешными, но они опираются (пока) на профессиональные каноны биографического интервьюирования. Изыски и шедевры биокритической герменевтики в этих опытах не просматриваются. Такой вывод характерен для той стадии развития ее идей, на которой мы находимся. Но все же рост числа сторонников биокритики зависит от скорейшего прояснения методов герменевтических «штудий» и демонстрации их познавательных возможностей. Бросается в глаза, что разделы биокритического манифеста Д. Шалина, посвященные методам, не столь прозрачны и конкретны⁷¹, как части его концептуальных построений. В частности, там он пишет о принципах прагматической семиотики и методах обратного

⁷⁰ Герменевтика Ф. Шлейермахера, Х.-Г. Гадамера, В. Дильтея
<http://www.scribu.com/13/52237689695.php#>.

⁷¹ См.: Шалин Д. Тезисы к концепции биокритической кибернетики // Алексеев А.Н., Ленчовский Р.И. Профессия – социолог, Т.2, с.414-417.

(реверсивного) редактирования, которые позволяют сопоставить отредактированную версию нарративной идентичности с событиями, не вошедшими в био­нарратив, и обнаружить альтернативные возможности объективации⁷². Я в данном случае не придираюсь к словам, но все же таинств и преимуществ герменевтического подхода такая скоропись не раскрывает. Итак, предмет биокритики вполне обоснован (некоторая вполне определенная, априорная рассогласованность поведения, мыслей и эмоций респондента, обнаруживаемая в биографических текстах). Остается столь же убедительно объяснить всем «новообращенным в герменевтическую веру», какими методами обеспечивается валидная фиксации этой рассогласованности.

В заключение, я бы хотел поставить два вопроса, вынеся их за скобки дихотомии биографии и биокритики. Первый - я бы назвал по-старинному: о светском характере научной, в том числе социологической деятельности. Светский, если прибегнуть к В. Далю, значит земной, мирской, суетный, гражданский. Светское начало противопоставляется религиозному, подобно тому, как светская власть – власти церкви, выступающей в роли социального института. Имея в виду эту антиномию, я уже сказал выше, что светское интервью, проводимое представителем эмансипированной науки, не может быть *исповедью* респондента, вне зависимости от степени его (респондента) религиозности. Научная этика и религиозная (конфессиональная) этика не являются тождественными, они не совпадают, как не совпадают смыслы житийной литературы и тексты «мирских» автобиографий. Тот факт, что я удостоился у Шалина косвенного сравнения со Святым Августином, побудил меня прочесть всемирно известную книгу «Исповедь»⁷³, сопровождаемую хорошим научным аппаратом⁷⁴, адресованным, быть может, не столько историкам философии и религии, сколько атеистам (включая сюда и меня), составляющим по-прежнему большинство нашего общества.

Житийная литература к концу 4 в. н.э. имела традицию. Это были рассказы о несхожих частях жизни: трудный путь к истине, внезапное озарение и нисхождение благодати⁷⁵. Название «Исповедь» (Confessions или Признание) объединило в себе три измерения, три аспекта понятия – покаяние в грехах, благодарение Творцу и исповедание веры⁷⁶. К некоторому итогу, подобному тому, к которому пришел Августин, должен был, по его мысли, придти всякий христианин, Иное дело, всякий ли мог так это «прожить» и выразить.

«Исповедь Блаженного Августина, епископа Гиппонского» (она, для справки была написана в 394-401 гг.) находится у самых истоков автобиографического жанра, а сам Августин может быть назван его основателем. Это первая «настоящая» автобиография, где все виды этой разновидности рефлексии жизни представлены наиболее полно и концентрированно. По мнению Георга Миша, автора фундаментальной «Истории автобиографии», изданной в Германии в конце 1940-х гг., здесь мы имеем дело с естественной формой выражения индивидуального человеческого опыта. Формула канонической автобиографии – тождество автора повествования с тем личным опытом, который он описывает, и сквозь который он смотрит на мир. Однако непременным свойством отношения «я – мир» является высокая степень самосознания и предельная

⁷² Там же, с.415.

⁷³ Аврелий Августин. Исповедь Блаженного Августина, епископа Гиппонского. – М: Renaissance, 1991.

⁷⁴ См. в частности: Столяров А.А. Исповедь. История создания. Жанр. Проблемы достоверности // Аврелий Августин. Исповедь Блаженного Августина, епископа Гиппонского. – М: Renaissance, 1991, с. 377-383. Его же. Аврелий Августин. Жизнь. Учение и его судьбы // Исповедь Блаженного Августина, епископа Гиппонского. – М: Renaissance, 1991, с. 5-50.

⁷⁵ Исповедь Блаженного Августина, с. 377

⁷⁶ Там же, с.378.

искренность. Добавлю сюда тончайшие и изощренные средства выражения, особый язык (образы, тропы, метафоры, игра слов, неологизмы), несмотря на постоянное ощущение дефицита слов. Однако главное свойство «Исповеди», что делает ее *недостижимым* образцом глубинной рефлексии жизни, находящейся во власти подлинного религиозного чувства, состоит в том, что у Августина глас совести звучит на предельной высоте, которая единственно уместна перед лицом Творца⁷⁷.

В контексте прагматических и земных отношений, какие существуют между информантом (респондентом) и интервьюером (исследователем) не может быть и тени расчета на появление уникальных автобиографических повествований высшего типа, каким остается творение блаженного Августина. Исследователь не властен над исповедью «внутреннего биографа» – единственного, кому ведомо то, что не в силах выразить и описать ни один другой человек. По этой причине социологу остается терпеливо ожидать повторения «небывалого» биографического чуда, зависящего от феномена, которое мы давно и привычно называем самосознанием.

Второй вопрос, который я хотел бы обозначить, заключая свою статью, связан с эзотерическим понятием ментальности. Видный деятель первой волны русской эмиграции В. Вейдле писал, нам в назидание, в середине XX века, что русский человек не считается с тем расстоянием, которое отделяет его от себе подобных. «Здесь корни не только панибратства, но и бесчеловечной жестокости»⁷⁸. Вторгшись в чужое пространство, нарушитель границы не замечает, что он находится на суверенной территории Другого. Эта ментальная привычка одна из причин неоправданно жестоких репрессий власти в отношении своих сограждан в советский и более отдаленные периоды истории. Каратели всех мастей и эпох редко и с трудом воображали себя на месте своих жертв, будучи, едва ли не генетически, лишенными способности к эмпатии.

А вот ментальность англичан прямая противоположность нашей. Канон англичан - соблюдение дистанции между людьми, англичане вежливы, но обходятся без эмоциональных выплесков. Даже после нескольких лет общения это сближение никогда не становится тесным, - рассказывал в своем интервью бывший ректор, а ныне Президент Московской высшей школы социальных и экономических наук Теодор Шанин. Они берут за правило держать дистанцию хотя бы уже потому, что не знают, насколько другой человек хочет этого сближения. Там молчать с человеком, продолжил Шанин свои комментарии, значит демонстрировать к нему уважение, чувство близости и добрые отношения, в то время как в России боятся пауз и стремятся их обязательно заполнить. «Абсолютно нормально по английским правилам, что человек сидит в пабе и молча, пьет вино при том, что вокруг люди, да и сам он не в плохом настроении»⁷⁹. Далее Т.Шанин приводит интереснейший пример: «Типичное и нормальное явление, когда пять англичан сидят в поезде на небольшом расстоянии друг от друга, и каждый читает свою газету, не поднимая глаз. Главное у них – это не чопорность или нежелание иметь связь с другими. Главное – считаться с тем, что твой сосед может не хотеть с тобой говорить, поэтому заговорить с ним может быть невежливо».⁸⁰

Выходит, что респондент прав не только тогда, когда он говорит, но и тогда, когда он молчит. Призываю своих коллег к уважению и защите всех прав респондента!

⁷⁷ Там же , 379.

⁷⁸ Вейдле В. Задача России. – New York: Chekhov Publishing House, 1956. с.138-139.

⁷⁹ Борусяк Л. Видеобеседа с Т. Шаниным. Часть 2. Перекресток мира. 25.09.2009 г.

Vzroslye\ПОЛИТ_РУ АНАЛИТИКА Перекресток мира\polit120text_1.files

⁸⁰ Там же.

Сентябрь 2011 г.

Фирсов Борис Максимович,
профессор, доктор философских наук,
главный научный сотрудник ЕУСПб,

**

XVI. Наша дискуссия – это личностное знание, в смысле М. Полани

Включение 59. Из переписки Д. Шалина и Б. Фирсова

Д. Шалин – Б. Фирсову. Копия – А. Алексееву, Б. Докторову

26.09.2011

Здравствуй, Борис Максимович.
Спасибо за статью, важную и интересную. Я вывесил ее на нашем сайте (URL: http://cdclv.unlv.edu/archives/articles/firsov_bh_response_11.pdf). Так что будем обсуждать.
Всего доброго, Дима

*

Б. Фирсов – Д. Шалину

26.09.2011

Дорогой Дима,
Мне было приятно узнать, что Вы считаете мою реплику на дискуссию важной и интересной. Спасибо! Благодарю вас и за шанс на всемирную известность, которую моя статья может приобрести, являясь (теперь) космическим телом во Вселенной, именуемой сайтом ИВІ.
Ваш БФ

**

Включение 60. Р. Ленчовский – А. Алексееву

27.09.2011

Добрый день, Андрей!
Весьма и весьма рад статье Б. Ф.! Удачна эта твоя компоновка “последних новостей с фронта” социологической биографистики.
<...> Мой поклон и спасибо Фирсову, который ввёл в жаркий спор социологов ноты экзистенциально-философской, с культурно-историческими обертонами, речи!).
Жму руку! Роман

**

Включение 61. Д. Шалин – Б. Докторову. Копия – А. Алексееву, Б. Фирсову

26.09.2011

Здравствуйтесь, Борис и Андрей.

Я только что переговорил с <...> (имя рек. – А. А.) относительно спорного места в его тексте (см. выше – включение 36. - А. А.), и он полностью согласился с моим мнением, поблагодарил за совет и попросил убрать сомнительную часть предложения. Теперь последнее выглядит так: <...>. Вопрос сей благополучно разрешился, и его можно рассматривать как прецедент на будущее.

Я вывесил (на сайте МБИ) [статью Бориса Фирсова](#). Интервью с Козловой, как и интервью с Божковым (и, кажется, еще с кем-то) у меня нет. Вывешу, когда они до меня дойдут.

Относительно разбивки МБИ Форума 2 на часть первую и вторую (см. выше – включение 53. - А. А.), это разумно. Единственно, мне бы нужно хотя бы кратко подвести промежуточные итоги. Я задолжал ответ Шляпу на его последний пост (см. [часть 1 Дискуссии 2 “Биография и биокритика”](#), включение ... - А. А.), обещал ему ответить в ближайшее время. Ответ более или менее готов, хотя он пока еще главным образом у меня в голове. После подведения промежуточных итогов [МБИ "Форум 2, часть 1"](#), можно будет его вывесить в интернете, с указанием на то, что “МБИ Форум 2, Часть 2” на подходе, разослав участникам форума сводный файл последнего.

Со временем мы сможем выйти на МБИ Форум 3, который может вести еще кто-то (например, Лариса Козлова или Борис Фирсов). Такого рода ротация, я думаю, будет полезна.

Всего самого, Дима

**

Включение 62. Б. Докторов – А. Алексееву, Д. Шалину

26.09.2011

Good, хорошо.. все принимается.. Дима, тексты Ларисы и Божкова днями пришлю.. мне нравится идея сменного (ротации) шеф-редактора.. при этом надо просить Андрея быть бессменным редактором-протоколистом.. хотя никто и не предложит своих услуг по этой части.. по секрету, БМ предстоит в конце месяца операция по удалению катаракты.. потому ему пока не стоит предлагать.. давайте трое напишем Ларисе (готов написать «рыбу»).. она <...> вся в хлопотах по поиску денег на СЖ (еще не вышел и №1 за этот год, хотя два выпуска готовы), но попросим.. Боря

**

Включение 63. Из переписки А. Алексеева и В. Дмитриевского

В. Дмитриевский – А. Алексееву

26.09.2011

Дорогой Андрей!

Спасибо за столь насыщенную информацию; осмысляю. Надеюсь, что моя книжка, если выйдет, позволит косвенно включиться в столь высокочтимый и чрезвычайно интересный диалог. Я тут летом прочитал два тома дневников Л.Яковлевой-Шапориной -- от 1890-х до 1960-х (потрясающе интересно!) и еще раз понял, насколько дневники ценнее и достовернее мемуаров, они точно дают фиксацию момента, эмоциональную и

хронологическую подлинность факта, и уже во вторую очередь, в поздних текстах - его обобщенную, но часто смещенную поздними событиями или в угоду обстоятельствам оценку. <...>

Виталий

*

А. Алексеев – В. Дмитриевскому

26.09.2011

...А в диалог по социобиографии Ты уже включился своим наблюдением-рефлексией о соотношении мемуаров и дневников. Обнимаю! Андр. Ал.

**

Включение 64. А. Алексеев – Б. Докторову, Д. Шалину

26.09.2011

Борис, Дима!

Отрадно, что проблема редактуры экспансивной реплики <...> (имя рек. – А. А.) уже снята Димой.

Очень хорошо, что текст БМ тоже уже в Интернете.

Боря, при возможности, перешли Диме интервью с Ларисой, Олегом, Галиной, да и свой собственный “юбилейный” текст. Очень уместны были бы на МБИ, для полноты картины, хотя бы линки на “Социологические портреты”, нарисованные Борисом на радио “Свобода”. (См. выше – включение 56. - А. А.)

Думаю, что дискуссию на тему “Биография и биокритика” под председательством Димы предстоит продолжать еще долго. (Если конечно, будут отклики, особенно - на полемические тексты: [мой](#), [Димин](#), [фирсовский](#)). Я думаю, что подразделение дискуссии 2 на части является скорее техническим, чем содержательным. Так что можно в конце 1-й части просто написать: “Продолжение следует”. Но, конечно, хорошо, если Дима выскажется по поводу публикуемого.

Я думаю, сегодня вышлю Вам проект публикации части 1 дискуссии 2, куда останется добавить только Димину реплику.

Дима, ныне общая структура нашего группового творчества представляется следующей: Заявлен Форум (МБИ-форум): “**Биографика, социология и история**” (широкое название дает максимальную свободу маневра). В рамках этого форума - дискуссии. Первая была: “[О “невидимом колледже” и биографических интервью](#)” Вторая: “Биография и биокритика”. Дискуссия при публикации может подразделяться на части, если материалов много и / или они большие, а тема фактически остается неизменной. Внутри дискуссии (или ее части) может быть подразделение на разделы, пронумерованные и поименованные (просто для удобства восприятия, как это было сделано в дискуссии 1). Ну а первичный элемент дискуссии (как правило, неделимый) - это “включение” или “отметина”. Вполне драматургическая структура: акты (действия), явления, иногда - интермедии.

...Только что получил отклик Виталия Дмитриевского. (См. выше- включение 63. – А. А.) Он уже давно написал прекрасную автобиографическую книжку: “Что я видел (Жизнь в эпизодах)”. Там, кстати, есть и глава о нашей социолого-театроведческой артели (“зримом колледже”) 1970-х гг. Также неплохо порезвились...

Ваш - Андр. Ал.

**

Включение 65. Д. Шалин – А. Алексееву. Копия – Б. Докторову

26.09.2011

Приветствую, Андрей.

Согласен с вашими предложениями. Подведу промежуточный итог первой части Форума 2, когда получу от вас сводный текст. Затем мы его вывесим и разошлем сноску нашим адресатам вместе с файлом второй части дискуссии и приглашением к разговору.

Текст [Бориной статьи](#) по итогам его рубрики в «Телескопе» (см. [часть 1 Дискуссии 2 “Биография и био критика”](#), включение 23а. – А. А.) уже вывешен у нас на сайте (URL: http://cdclv.unlv.edu/archives/articles/bd_teleskop_11.pdf).

До связи, Дима

**

Включение 66. А. Алексеев - Д. Шалину. Копия – Б. Докторову

27.09.2011

Дима! Посылаю Вам сводный файл части 1 дискуссии 2 МБИ-форума. <...> Теперь жду от Вас завершающей ремарки, чтобы включить ее в этот файл и разослать его по назначению. АА

**

Включение 67. Д. Шалин – А. Алексееву

27.09.2011

Thank you, Andrei:

I appreciate your effort and will work on the concluding remarks.

All best, Dmitri

**

Включение 68. Д. Шалин – А. Алексееву, Б. Докторову

27.09.2011

Здравствуйте, Андрей и Борис.

Что-то напишу. В голове все более или менее сложилось, но пока засесть за дело не получается. Только что закончил писать характеристики коллегам, подавшим бумаги на повышение. Немного очухаюсь и займусь делом.

Андрей, я нашел несколько опечаток в тексте Фирсова, теперь их исправил. <...> Вижу еще какие-то проблемы в тексте МБИ Форума 2.2 (часть вторая). Пришлите мне его, когда будет возможность, чтобы я смог подправить до того, как сводный текст пойдет в оборот.

Надеюсь, вы все пребываете в добром здравии.

Дима

**

Включение 69. Б. Докторов – Д. Шалину, А. Алексееву

27.09.2011

Ох, Дима.. я так рад, что не мне писать краткое заключение.. у нас сложился редкостный документ.. в нем много нового и много страсти.. не знаю, хватит ли у нас запала на Часть 2, но хотелось бы.. Андрей, ты заслужил отдых.. это точно.. Боря

**

Включение 70. Б. Докторов – А. Алексееву, Д. Шалину

27.09.2011. 9:05

Дорогие Андрей и Дима.. на сегодня я свое отработал.. потому тебе, Андрей, хорошего дня, а тебе, Дима, спокойной ночи.. да, у тебя опять вторник аудиторный? Всего, Боря

**

Включение 71. А. Алексеев – Д. Шалину, Б. Докторову

27.09.2011

Боря! Да, наша дискуссия - это образец **личностного знания**, в смысле М. Полани. А часть 2 дискуссии 2 в основном уже слепилась. Из больших материалов, в ней - Алексеев и Фирсов. И тоже - нового и страсти там хватает. Что касается моей роли “редактора-протоколиста”, то она мне в охотку, а стало быть сама по себе - отдых. АА.

**

Включение 72. А. Алексеев – Д. Шалину. Копия – Б. Докторову

27.09.2011.

Дима! Сообщите, какие были опечатки в тексте Фирсова, чтобы и я их исправил и в своих вордовских материалах. На сайте МБИ - http://cdclv.unlv.edu/archives/articles/firsov_bh_response_11.pdf - Вы, наверное, их уже исправили, раз об этом пишете.

Кумулятивный файл части 2 дискуссии 2 пока в процессе формирования. Разумеется, Вы ее получите от меня первым, эксклюзивно - как шеф-редактор данной дискуссии. Там, кстати, понадобится разрешение на использование частных писем и от некоторых других участников.

Посмотрите, нельзя ли чего использовать там из Вашей переписки о “невидимом колледже” с западными коллегами, на которую Вы ссылались.

Всем - доброй ночи! АА. 27.09.2011. 10:05 (M)

**

Включение 73. Д. Шалин – А. Алексееву. Копия – Б. Докторову

27.09.2011

Андрей,

Пересылаю выдержки из моей переписки с Фирсовым с указанием на опечатки.

Ваш, Дима <...>

**

XVII. «Биографика, социология и история»

Включение 74. А. Алексеев – Д. Шалину. Копия – А. Алексеев - Э. Беляеву, Л. Борусяк, Б. Вульфовичу, А. Готлиб, Е. Григорьевой, Б. Докторову, М. Илле, Л. Козловой, Р. Ленчовскому, Н. Мазлумяновой, О. Маховской, В. Семеновой, Б. Фирсову, Д. Шалину, Ф. Шереги, В. Шляпентоху, В. Ядову, О. Шевченко, И. Ременнику, И. Клюканову, М. Эпштейну,

Р. Баранцеву, Ю. Беспаловой, О. Божкову, Н. Дадали, Н. Деминой, К. Дивисенко, В. Дмитриевскому, В. Ильину, А. Кетегату, Н. Корневу, К. Пигрову, И. Ронкиной, О. Старовойтовой, Л. Столовичу, О. Тиховской, Г. Тульчинскому, М. Филипповой, И. Флиге, Н. Цветаевой, И. Яковлевой

Dear Дмитрий!

Мои занятия оформлением очередного протокола нашего форума «Биографика, социология и история» отсрочили ответ на Ваше лично-публичное письмо от 25.09.2009. Вот, от групповой дискуссии перейдем к персональной.

Поскольку мое письмо, как и Ваше, имеет характер «открытого», т. е. Вы не единственный его читатель, напомним: Ваша статья «В поисках нарративной идентичности: К диалогу Андрея Алексеева и Дмитрия Шалина», опубликованная [на сайте МБИ](#), а затем в «Телескопе» (2011-3) дала повод для моего развернутого комментария – статьи «На стыке методологических и этических проблем (Читая Дмитрия Шалина. Продолжение диалога)», опубликованной также [на сайте МБИ](#), и которая вот-вот появится на страницах «Телескопа» (2011-5). Как отмечено в аннотации, эта статья посвящена критическому разбору круга идей, представленных в Вашей работе «В поисках нарративной идентичности...». «Некоторые из этих идей поддерживаются, некоторые - вызывают сомнение или даже опровержение».

Ваше письмо от 25.09.2011 является откликом на эту последнюю статью, вошедшую и в нашу групповую дискуссии, ну а мое нынешнее – продолжением этого разговора.

Вообще-то в контексте нашего форума и дискуссии о «незримом колледже», биографических интервью, биографии и биокритике, соответственно, **благодаря** этому форуму, разногласий между нами осталось не так уж много, хоть есть среди них и принципиальные. Я остановлюсь только на этих разногласиях, опуская все моменты изначального или достигнутого консенсуса.

Речь пойдет в основном о книге А. Алексева "[Драматическая социология и социологическая ауторефлексия](#)", давшей Вам повод для пристрастного оппонирования.

1) Судя по тому, что Вы пишете, для Вас мой так называемый «эксперимент социолога-рабочего» 80-х гг. прошлого века есть «эксперимент включенного

наблюдения». Последнее к экспериментам, строго говоря, не относится (разве что в очень широком смысле). Но дело даже не в этом. В том-то и дело, что это вовсе не было «включенным наблюдением» (при котором статус социолога не разглашается и т. п.). Ни от кого в цехе или на заводе не скрывалось прежнее место работы новичка (ну, и не афишировалось, впрочем), а сама логика «познания действием» (то, что скромнее называется *наблюдающим участием*) охотно обсуждалась с теми товарищами по труду, кто проявлял к этому интерес.

(И мои «протоколы заводских коллизий», впрочем, выполненные в оригинальном жанре «технологических замечаний», служебных записок цеховому или заводскому начальству, заметок в заводской газете и даже писем-дневников-отчетов друзьям, не были потаенными – еще и до того, как последние стали предметом идеологических инвектив)

Этому различию «мимикрирующей» и «акционистской» (а также, отчасти, и моделирующей) исследовательских стратегий посвящено много страниц "[Драматической социологии...](#)", начиная с первых же глав. Жаль, что данное обстоятельство осталось Вами не замеченным. Однако не заметили этой разницы, Вы, возможно, потому, что она и впрямь не укладывается в сложившиеся традиции и нормативы академической (или университетской) науки, к которой Вы безусловно принадлежите, чего обо мне сказать нельзя.

2) С учетом сказанного выше, не существовало для «социолога-испытателя» и проблемы получения от своих товарищей по работе (не говоря уж о непосредственных или высокопоставленных начальниках) согласия на проведение «с ними» (sic!) натурального эксперимента. Кстати сказать, есть какое-то логическое противоречие между Вашим предположением о «неразглашения статуса» и требованием «согласования с участниками». Тут уж – что-нибудь одно. Ну, какое может быть предварительное «получение разрешения» на то, что составляет самый «образ жизни», предмет повседневной деловой и / или этической практики субъекта, пусть даже в этой практике и есть когнитивная составляющая?

Что касается поиска участников событий, описанных в «Драматической социологии...», постфактум (не очень понятно – разыскивать их до или после опубликования?), так на то и гласность. Кто-то – уже тогда сам «нашелся» и откликнулся, кому-то это безразлично, а кто-то, может, и был задет, да предпочел промолчать.

Это все притом, что – настаиваю! - натуральный эксперимент внедрения новой технологии, новых принципов «вынужденной и «невынужденной» инициативы, адаптационного нормотворчества в рабочей среде и т. д. был экспериментом не «с» людьми и уж тем более не «над» людьми, а имел своим объектом и «материалом» социальные институты, отношения, функции, социальные роли (пусть персонально воплощенные). И не затрагивал, понятно, частных, приватных сфер жизнедеятельности личности (что вообще дело не социологов, а психологов и /или психотерапевтов).

3) Я уверен, Дима, Вы ошибаетесь и в трактовке 4-томника «Драматическая социология...» как варианта автобиографического повествования. В автобиографии (каким бы ни был ее жанр) еще можно ожидать отображения таких приватных сфер, как семейная жизнь или «смена жен» ([извините, я Вас цитирую!](#)), хотя и то наша история социологии «в лицах» без этого, как правило, обходится. Но обсуждаемая Вами монография – отчет о проведенном многолетнем casestudy (хоть и не только) - к этой категории дискурсов заведомо не относится (хотя бы сам автор и был там одним из действующих лиц, и даже, может быть, заглавным).

Ваше замечание: «Андрей говорит о своей семье и ее реакции на события тех лет, но при этом приводит одни существенные детали и опускает другие», - как бы дает повод предположить, что оппонент знает, какие именно *существенные* детали опустил автор... Со своей стороны, замечу, что и в своей автобиографичности, и в своей исповедальности

(которых, может быть, и не лишено данное многоаспектное произведение) автор **сам** задает границу, до которой считает уместным «открывать» себя читателю.

4) Аналогичную логику уместно применить и к Вашим настойчивым «подозрениям», что именно изъятия из публикуемых документов (включая личные письма и дневниковые записи), маркированные: <...>, пусть даже их оказалось много меньше, чем Вы поначалу предположили, таят в себе нечто особенно интересное в биографии и/или ценное для истории. Конечно, во всяких купюрах возможен систематический «перекос», но:

а) Вы, не далее как на материалах нашей нынешней биографической / биокритической дискуссии, могли убедиться в их (купюр) неизбежности – когда по этическим, когда по стилистическим, когда по соображениям сокращения объема;

б) как хорошо объяснил Б. Фирсов [в своей статье](#), «респондент (ну, и автор тоже. – А. А.) прав не только тогда, когда он говорит, но и тогда, когда он молчит».

5) Я намеренно не повторяю здесь всех тех аргументов в защиту своей точки зрения, которые уже имел случай высказать – не в последней своей статье [“На стыке методологических и этических проблем...”](#), так в [“Драматической социологии...”](#). А еще – хочу адресовать Вас к главе 5 нашей с Р. Ленчовским книги [“Профессия - социолог...”](#), Эта глава называется: [“Наблюдающее участие \(Методологический контекст\)”](#). Для облегчения доступа прилагаю данный текст *под скрепкой*.

б) И последнее. Не исключено, что наши различия в подходах к одинаковым и/или сходным вещам имеют межкультуральный характер, коренятся в различиях ментальности. Вы, как сами о себе пишете, уже больше половины жизни живете в США, я – всю жизнь в России. У нас – общие корни, но разные среды обитания, жизненный опыт, научные этосы. Очевидное для меня может казаться странным Вам, и наоборот. Не отсюда ли и некоторые расхождения в тех методологических и этических позициях, которые (позиции) для нас принципиальны?

Здесь не стоит спорить, а просто иметь в виду, что возможен и совсем другой взгляд на вещи, другое видение.

Вряд ли Вы жалеете о своей «жизни и судьбе» бывшего эмигранта. Равно как и я свою судьбу автохтона («где родился, там и пригодился») не променял бы на другую. Но эти социальные различия, помноженные еще на индивидуальные особенности, наверное, обуславливают собой и ход нашего мышления, и плоды нашего творчества, и даже, возможно, ценностно-мотивационные доминанты.

Искренне Ваш - Андрей Алексеев.

30.09.2011

**

[Включение 75. Д. Шалин – А. Алексееву. Копия – Б. Докторову](#)

1.10.2011

Здравствуйтесь Андрей и Борис

Пересылаю вам заключение к первой части МБИ Форума 2 вместе с полным текстом этой части дискуссии. (См. [часть 1 Дискуссии 2 “Биография и биокритика”](#). – А. А.) <...>

Андрей, спасибо за ответ на мой комментарий по поводу наблюдающего участия (см. [выше – включение 74. – А. А.](#)) (надо попробовать развести по квадрату –

наблюдающее участие, ненаблюдающее участие, участвующее наблюдение, неучаствующее наблюдение).

Дружески, Дима

**

Включение 76. Д. Шалину. Копия – Б. Докторову

2.10.2011.

Здравствуйтесь, Дима!

Я не ожидал столь развернутой редакторской реплики в завершение лишь первой части дискуссии о биографии и биокритике. С другой стороны, она дала Вам повод проговорить всякие важные вещи.

Мои заметки «*между строк*» (выделено зеленым) и мелкая редактура (выделено голубым), надеюсь, Вам пригодятся, для финального варианта. <...>

Вы пишете:

...Я предлагаю далее называть форум, посвященный незримому колледжу и типам интервью – [МБИ Форум 1](#), первую часть дискуссии о биографии и биокритике – [МБИ Форум 2.1](#), и вторую часть форума по этой проблематике – Форум 2.2. Если дискуссии продолжатся, их можно будет обозначить как “МБИ Форум 3”, и т.д.

Надо иметь в виду, что следует как-то обобщенно обозначить **всю совокупность (серию)** этих дискуссий или форумов. Я предложил максимально широкое название: **«Биографика, социология и история»**, так чтобы обеспечить свободу маневра и, при желании, привлечь вообще всех, кто работает с биографиями (не только биографиями социологов). Это название уже фигурирует в настоящей и предшествующей публикациях.

В Вашей терминологии, против которой я не возражаю «Форум» и «дискуссия» – синонимы.

...Насчет разведения терминов (*обозначающих разные социологические методы.* – А. А.) «по квадрату», о котором Вы пишете. Собственно, вещь очевидная:

«ненаблюдающее участие», не есть исследовательский метод. Остальные располагаются по «шкале активизма»: неучаствующее наблюдение; участвующее (включенное) наблюдение; наблюдающее участие. Инверсия слов имеет содержательное значение.

Ваш – Андрей Алексеев.

**

Включение 77. Б. Докторов – Д. Шалину, А. Алексееву

2.10.2011

...Дима, я согласен с «Форумами 1, 2.1 и 2.2» и одновременно присоединяюсь к мнению Андрея о важности сохранения максимально широкого названия: **«Биографика, социология и история»**. Мне очень импонирует это название.. оно нам, если все пойдет хорошо, очень пригодится... Боря

**

Включение 78. А. Алексеев – Б. Докторову, Д. Шалину

2.10.2011

Боря! Благодарю за поддержку широкой шапки, под которой может уместиться не только наша истории социологии “с человеческим лицом”, а и, например, исследование общества через биографии, устная история, память поколений и много чего еще. <...>
Твой - Андр. Ал.

**

***Включение 79.** Д. Шалин – А. Алексееву. Кропия – Б. Докторову*

3.10.2011

Здравствуй, Андрей.

Я вам признателен за внимательное прочтение моего текста и предложения редакторского плана. Я исправил ошибки и принял почти все ваши предложения по существу.

Материалы Форума 2.1 вывешены на нашем сайте:

http://cdclv.unlv.edu/archives/Comments/ibi_forum_2.1.html

http://cdclv.unlv.edu/archives/Comments/ibi_forum_2.1.pdf

Теперь можно оповестить наших корреспондентов о моем промежуточном заключении и электронной публикации МБИ Форума 2.1. Вместе с этой коммуникацией стоит выслать сводный файл МБИ Форума 2.2., как он сложился на настоящий момент, с приглашением к участникам продолжить дискуссию.

Всего доброго, Дима

**

XVIII. Всем – урок на будущее

***Включение 80.** Д. Шалин – А. Алексееву , Б. Докторову*

3.10.2011

Здравствуй, Андрей и Борис.

Линн Виссон, жена Бориса Раббота, ответила на критику Шляпентоха (см. [Дискуссию 1 “О “незримом колледже” и биографических интервью”](#), включение ... - А. А.) и попросила меня вывесить ее ответ на нашем сайте, что я и сделал (http://cdclv.unlv.edu/archives/Comments/visson_rabbot.html). Она очень расстроена по поводу его мнения.

Линн не просила меня рассылать ее ответ. Напротив, она подчеркивала, что не будет принимать участия в последующем обсуждении или отвечать на вопросы.

Я не уверен, что следует включать ее послание в общую переписку.

Ваше мнение?

До связи, Дима

**

***Включение 81** (помещено на сайте МБИ 3.10.211)*

http://cdclv.unlv.edu/archives/Comments/visson_rabbot.html

Dr. Lynn Visson

Polemic concerning D. Shalin interview with Boris S. Rabbot

I am not a sociologist. But since as Boris Rabbot's wife of 35 years I had intimate knowledge of his life, biography and professional career, I feel bound to respond to some of the highly distasteful allegations made during the course of this "polemic."

Dima Shalin's interview with Boris [\[http://cdclv.unlv.edu/archives/Interviews/rabbot_08.html\]](http://cdclv.unlv.edu/archives/Interviews/rabbot_08.html) was not intended as a scholarly article or part of a scientific survey. It grew out of a highly informal and spontaneous conversation. Due to his lengthy illness, Rabbot never had the opportunity to personally review or edit the text. Like all interviewees or memoirists, he describes people incidents, conversations and people as he remembers them. (For the record, I first heard from Boris about the KGB beating incident some 30 years ago). As for V. Shlapentokh's suggestion that, 60 years later, Shalin should have checked on the veracity of this event with other sources – who or what, pray tell, are these "sources?" KGB officers and inaccessible archives? Boris's fellow-students at MGU? Most of the latter are now either dead, seriously ill, or were not privy to the details of this incident.

According to Shlapentokh's twisted logic [\[http://vladimirshlapentokhrussian.wordpress.com/2011/08/07/%d0%bc%d0%be%d0%b6%d0%bd%d0%be-%d0%bb%d0%b8-%d0%b1%d0%b5%d1%81%d1%82%d1%80%d0%b5%d0%bf%d0%b5%d1%82%d0%bd%d0%be-%d0%b4%d0%be%d0%b2%d0%b5%d1%80%d1%8f%d1%82%d1%8c-%d0%b0%d0%b2%d1%82%d0%be%d0%b1%d0%b8/\]](http://vladimirshlapentokhrussian.wordpress.com/2011/08/07/%d0%bc%d0%be%d0%b6%d0%bd%d0%be-%d0%bb%d0%b8-%d0%b1%d0%b5%d1%81%d1%82%d1%80%d0%b5%d0%bf%d0%b5%d1%82%d0%bd%d0%be-%d0%b4%d0%be%d0%b2%d0%b5%d1%80%d1%8f%d1%82%d1%8c-%d0%b0%d0%b2%d1%82%d0%be%d0%b1%d0%b8/), immediately upon the conclusion of every session each KGB interrogator or torturer should have ceremoniously handed his victim a signed receipt containing a dated and stamped verbatim record of the interrogation, names and addresses of all witnesses present and a precise listing of all acts perpetrated on the person under interrogation and the precise nature of injuries sustained. Perhaps a demand should have been made for the medical records from the doctors who treated Boris Semenovich for the broken vertebrae resulting from this beating?

This situation is somewhat reminiscent of the post-war dilemma faced by the families and heirs of German and East European Jews murdered during the Holocaust, who prior to World War II had deposited monies for safekeeping in British and other West European banks. On attempting to access these accounts, the heirs were told to produce their relatives' death certificates.

Such an approach denies the validity or interest of nearly any and all memoirs, autobiographies, interviews and literature, including accounts of the Stalinist camps or of the Holocaust. Insistence on such "proof" only serves to create a grotesquely Orwellian parody of Soviet "научный" social science.

"Найка" is one thing. V. Shlapentokh's insinuations, however, are far removed from scholarly discourse. Not only is the KGB torturer unavailable, but so is his victim. Boris Rabbot cannot defend the truth of his statements for the simple reason that he is dead. It takes little scholarly honesty or moral courage to engage in libelous assertions – i.e., to print misrepresentations which defame an individual's reputation.

On the other hand, L. Batkin's recollections of B.S. Rabbot's work with Rumyantsev are indeed in keeping with the true course of events. Boris frequently mentioned to me his respect for and friendship with Batkin, who comments that "Вся связь с Румянцевым по поводу меня шла через его доверенного помощника Бориса Раббота." As Alexei Matveevich's aide, Boris was in fact the "gatekeeper" for access to Rumyantsev, as shown by dozens of memoranda, reports, letters, etc. in Rabbot's personal archives.

Shalin's comment, "Если верить Баткину, то доклады Румянцеву писал не только, а возможно и не столько, Раббот. Борис опустил этот факт в своем интервью," is entirely correct. Rumyantsev had a staff of референты working for him, and many of them reported directly to Boris Semenovich. One референт's excellent recollections of his work with Rumyantsev and Rabbot will appear in a memorial volume devoted to Boris.

I therefore refer those individuals genuinely interested in B.S. Rabbot's life and work to the forthcoming мемориальный сборник "Борис Раббот: шестидесятник, которого не услышали" (составители Е.В. Виссон, В.А. Арканов, Москва: РВалент, 2012.)

Since it would be an insult to Boris's memory to continue a "discussion" with those who in the guise of "наука" are engaging in thinly veiled libel, I will not respond to any questions or comments. The мемориальный сборник should provide appropriate answers to the issues raised in this so-called "polemic."

**

Включение 82. Б. Докторов – Д. Шалину. Копия – А. Алексееву

3.10.2011

Дима, мне кажется, что реакция Линн, с учетом написанного Володей Шляпентохом, очень интеллигентная.. я понимаю ее на сто процентов: она не хочет дискуссии и прочего.. думаю, что ты правильно сделал, что разместил ее текст на сайте. <...> Боря

**

Включение 83. А. Алексеев – Д. Шалину, Б. Докторову

3.10.2011

Дима, Борис!

К сожалению, не зря я призывал к бдительности, насчет личных выпадов и биографических подозрений в адрес покойных коллег. Замечание вдовы Раббота: "Boris Rabbot cannot defend the truth of his statements for the simple reason that he is dead" едва ли не дословно совпадает с писанным мною (месяц назад). <...>

Думаю, что не только Шляпентох проявил здесь бестактность и своего рода безответственность. По крайней мере я сожалею, что первым дословно воспроизвел [запись из его блога](#) - в нашей дискуссии, не усмотрев подводного камня. Чем способствовал распространению этого фрагмента его текста. Теперь дело усугубилось еще публикацией статьи В. Ш. в "Телескопе" № 4. Линн Виссон ссылается на блог - не знаю, известно ли ей о двойном тиражировании этого текста - [на нашем Форуме](#) и в российском журнале.

К нему каждый из нас троих так или иначе приложил руку - якобы в интересах науки и исторической правды. Всем - урок на будущее.

Как поступить теперь? <...> Замалчивать ее (Л. В.) уже опубликованное мнение по вопросу, ставшему предметом не всегда корректного обсуждения на нашем Форуме, было бы нехорошо. Так что я за то, чтобы включить в материалы дискуссии сообщение о [публикации Линн Виссон на сайте МБИ](#). Со своей стороны, я считаю обязанным себя лично (никого к тому же не побуждаю!) принести ей извинения за неловкость (бестактность), допущенную коллегой, к чему я, хотя бы косвенно, причастен. <...>

Ваш - Андр. Алексеев.

**

[Включение 84. Д. Шалин – А. Алексееву, Б. Докторову](#)

4.10.2011

<...> Да, письмо Линн нам всем урок, teachable moment, как здесь принято говорить. Общего решения проблемы – кому и как решать – я пока не вижу, но консультация с заинтересованными лицами, в данном случае с Линн, желательна во всех сомнительных случаях.

**

[Включение 84b. Д. Шалин – А. Алексееву, Б. Докторову](#)

3.10.2011

Добрый день, Андрей, добрый вечер, Боря.

<...> Я обратил внимание на то же предложение, что и вы, и оно меня покорило. Тем не менее, я против того, чтобы его убирать из текста. Дело не только в том, что уже несколько десятков людей видело текст. И не в том, что суждение <...> имеет право на существование (его мнение о Конне другого плана, чем его обвинения адресованные Работу). Гласность обоюдоострое оружие – тот, кто им пользуется, должен быть готов отвечать за свои слова.

<...> В каком-то смысле, это даже хорошо, что спор вышел на поверхность и заинтересованные стороны получили возможность высказаться. Всем участникам МБИ Форума этот обмен мнения пойдет на пользу.

<...> Ваш, Дима

**

[Включение 85. А. Алексеев – Б. Докторову](#)

3.10.2011

Борис!

По-моему, очень сильная статья! (Речь идет о статье Э. Беляева, подготовленной для «Телескопа»: «Чем ценны биографические интервью: важность нахождения паттернов». Ее первоначальную версию см.: [Дискуссия 1 "О "незримом колледже" и биографических интервью"](#), отметина 58. – А. А.). С основными авторскими

постановками лично я в общем согласен, если отвлечься от слишком категоричной и безапелляционной тональности автора. Этаким экстремальный социологизм, хоть Э. Б. и делает почти все необходимые оговорки.

Меня тоже в «лицах» (наших героев) больше всего интересует типическое, не нюансы индивидуальной психологии и биографические подробности, а образцы социального поведения, паттерны и способы поведения людей в предлагаемых обстоятельствах.

Социолог изучает: личность - в обществе и общество - в личности; личность - ради понимания общества и наоборот. Но не личность, как таковую, что есть предмет психолога, и не биографические и/или исторические события, как таковые, что есть предмет биографа и, соответственно, историка.

Кстати сказать, отсюда выглядывает одна из возможных тем будущих дискуссий: «Биография – как исследование случая: общее и индивидуальное».

<...> Действительно, получается дискуссия в «Телескопе», путем концептуальных выжимок из онлайн-дискуссии.

Обнимаю! Твой - Андр. Алексеев.

**

<...>

***Включение 86.** А. Алексеев - Д. Шалину. Копии – Б. Докторову, Б. Фирсову, В. Ядову, Л. Козловой, Р. Ленчовскому, Н. Мазлумяновой, О. Маховской, В. Шляпентоху*

7.10.2011

Дима! Удивлен и огорчен Вашими действиями

Шляпентох пишет коллегам: *“Подчиняясь большинству (имея в виду, по-видимому, Докторову, Фирсова, меня. - АА), я прошу убрать все критические замечания о Конне...”*. Вы же настаиваете перед В. Ш. на том, чтобы тема его идеологических и моральных претензий к Вашему недавно почившему учителю все же прозвучала в нашей дискуссии ([МБИ-форум 2-1](#)). Вам это зачем-то очень понадобилось.

Что касается своих коллег, то Вы их ставите перед этим фактом - как морально (приватно договорившись с Шляпентохом о смягченной редакции его инвективы), так и технологически (поскольку размещаете в Интернете материалы социобиографического форума именно Вы).

На будущее: Вы вынуждаете меня сложить с себя обязанности секретаря, или редактора-протолиста дискуссии “Биография и биокритика”, ведущим которой Вы являетесь. В этой связи, сообщаю Вам, что пакет ее второй части (МБИ-форум 2-2) практически укомплектован. В нем около 60 страниц, 9 разделов, свыше 50 включений.

Если далее продолжать дискуссию, то уже в пространстве МБИ-форума 2-3 (куда мог бы войти и последний текст Шляпентоха, разосланный им сегодня, и всякое другое).

Я намерен в ближайшее время разослать, как мы уговаривались, сводный файл МБИ-форума 2-2 коллегам, вместе с информацией о состоявшейся на сайте МБИ [публикации форума 2-1](#).

Дальнейшую же работу по ведению и протоколированию названной дискуссии прошу планировать без меня.

С сожалением, Андрей Алексеев. 7.10.2011.

**

Включение 87. Д. Шалин – А. Алексею. Копия - Б. Докторову, Б. Фирсову, В. Ядову, Л. Козловой, Р. Ленчовскому, Н. Мазлумяновой, О. Маховской, В. Шляпентоху

8.10.2011

Здравствуйте, Андрей.

Я уже вздохнул с облегчением – нашли-таки компромисс, избежали кризиса, продолжаем работать. Ан, нет.

Я обменялся мнениями с кем-то из коллег и заключил, что не только я считаю компромисс разумным. Ваша воля не соглашаться, но проблема мне видится неоднозначной.

В своих отношениях с людьми я придерживаюсь принципа – “make room for the honest difference of opinion”. В вольном это переводе значит – “расширяй пространство, в котором честные люди могут разойтись во мнении”. Ваша позиция заслуживает уважения, хотя я с ней не вполне согласен. Хочется верить, что и вы мне не откажете в том же.

Очень надеюсь, что вы пересмотрите свое решение уйти с поста редактора-протоколиста. Без вас нам будет трудно, и дело пострадает.

С дружескими чувствами, Дима

**

Включение 88. А. Алексеев – Д. Шалину. Копия - Б. Докторову, Б. Фирсову, В. Ядову, Л. Козловой, Р. Ленчовскому, Н. Мазлумяновой, О. Маховской, В. Шляпентоху

9.10.2011

Уважаемый Дима!

Мне неизвестно, с кем из коллег Вы обменивались мнениями после того, как Владимир Эммануилович уже отказался от публикации своих претензий к покойному И. С. Кону в рамках нашей дискуссии. Как Вы знаете, компромисс был достигнут до того, как Вы явочным порядком [пересмотрели это решение](#).

Что касается моего собственного решения уйти с «поста» редактора-протоколиста, то оно относится только к ожидаемому продолжению дискуссии «Биография и биокритика», но не к последующим дискуссиям, организуемым нашим «незримым колледжем».

Высылаю Вам полностью подготовленный мною к размещению в Сети протокол МБИ-форума 2-2 (вторая часть дискуссии «Биография и биокритика») и прошу вывесить его на сайте [“Международная биографическая инициатива”](#). Третью часть этой дискуссии, я думаю, Вы запротоколируете самостоятельно.

Сожалеею.

Искренне Ваш – Андрей Алексеев. 9.10.2011

**

Включение 89. А. Алексеев – всем участникам дискуссии, а также тем, кому она может быть интересна

10.10.2011

Уважаемые коллеги!

Как Вы знаете, с июля 2011 г. по настоящее время продолжается серия дискуссий в рамках Форума «**Биографика, социология и история**». Организаторами этого форума являются **Борис Докторов** и **Дмитрий Шалин**, содиректоры американо-российского проекта «Международная биографическая инициатива», материалы которого представлены на [одноименном сайте](#), в рамках [Центра демократической культуры Университета Невады](#).

В круг организаторов Форума вхожу и я, **Андрей Алексеев**. В дискуссиях Форума, реализующихся в форме **групповой переписки**, на разных этапах приняли активное участие также: Лариса Козлова, Наталия Мазлумянова, Роман Ленчовский, Борис Вульфович, Владимир Шляпентох, Ольга Маховская, Эдуард Беляев, Борис Фирсов. К ней проявили интерес Владимир Ядов, Франц Шереги, Анна Готлиб, Виталий Дмитриевский, Блэр Рубл и другие социальные исследователи.

Первая дискуссия называлась «**О «незримом колледже» и биографических интервью**». Ее заверченный протокол - [МБИ-форум 1](#) – давно вывешен в Сети, в двух форматах: [html](#) и [pdf](#). Вторая дискуссия – «**Биография и биокритика**» продолжается сегодня. Инициатором и ведущим первой был Борис Докторов, вторая происходит под водительством Дмитрия Шалина.

Протокол первой части дискуссии 2 «Биография и биокритика» - [МБИ-форум 2-1](#) - недавно был размещен на сайте «Международная биографическая инициатива», тоже в двух разных форматах: [html](#) и [pdf](#). Протокол второй части дискуссии 2 «Биография и биокритика» прилагается к настоящему письму. Протокол третьей части названной дискуссии – в процессе формирования

Желающие могут принять участие в настоящем Форуме развернутой статьей или краткой репликой (репликами), по темам любой из двух дискуссий (они тематически взаимосвязаны), для чего достаточно связаться по электронной почте с кем-либо из организаторов Форума. Любой участник дискуссии может адресовать свою реплику как всем участникам дискуссии сразу, так и любому кругу лиц, из числа участников, а также лиц, в дискуссии до сих пор не участвовавших.

Таковы правила игры нашего «невидимого колледжа».

А о содержании и качестве материалов Форума, реализующегося, как уже сказано, в форме групповой переписки коллег, занимающихся **биографическими, социологическими и историческими** исследованиями (и не только занимающихся, но и интересующихся, и не только этими, но и смежными исследованиями), судите по прилагаемому протоколу **МБИ-форум 2-2**.

С уважением и приветом,

Редактор-протоколист первой и двух частей второй дискуссий Форума «Биографика, социология и история» - Андрей Алексеев.

(Конец второй части Дискуссии 2 «Биография и биокритика»)

